НА ОДНОГО БОЛЬШЕ

АНТОН ПАРШИКОВ

Антон Паршиков

На одного больше

«Автор»
2026

Паршиков А.

На одного больше / А. Паршиков — «Автор», 2026

После похорон бабушки Павел возвращается в Порт Байкал — место, где в детстве исчез его брат Егор. В доме он находит тетрадь с записями, старые фотографии и следы присутствия ребёнка, которого никто не должен был помнить.Когда на берегу появляется мальчик, похожий на Павла, прошлое перестаёт быть воспоминанием. Оно начинает действовать: отвечает из пустой комнаты, трогает вещи, занимает чужое место и требует, чтобы его признали своим.«На одного больше» — мистическая повесть о семейной памяти, вине и страхе перед тем, кого однажды оставили.

© Паршиков А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первая ночь 6
Глава 2. Дневной свет 23
Глава 3. Вторая ночь 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Антон Паршиков
На одного больше

На одного больше

Глава 1. Первая ночь

На бабушкиных похоронах я впервые увидел, как закрывают уши покойнику.

До этого всё было привычно, насколько вообще могут быть привычными похороны. Чужие руки подхватывали меня под локоть. Кто-то поправлял ленту на венке. Женщина в вязаной шапке говорила, что Варвара Петровна совсем не мучилась, хотя последние полгода бабушка почти не вставала.

Потом Валентина Ивановна наклонилась над гробом.

В детстве я узнавал её по шагам: подошвы скрипели даже летом, когда она ходила в тапочках. Сегодня на ней были тяжёлые ботинки, чёрное пальто с одной чужой пуговицей и старый фетровый берет. Седые волосы она убрала под него так туго, что кожа на висках натянулась. На правой щеке темнел след от подушки. Наверное, она тоже почти не спала.

Из кармана пальто Валентина Ивановна достала вату. Руки у неё были красные, с трещинами возле ногтей. Такими руками она когда-то удерживала мою голову над тазом, отмывая ссадину на лбу, и приговаривала: «Гляди на меня, Пашка. Пока на меня глядишь, не больно».

Сейчас она на меня не смотрела.

Она скатала два плотных комочка. Один вложила бабушке в левое ухо, второй — в правое. Придавила их большими пальцами. Я ждал, что она остановится, но её руки ещё несколько секунд оставались у бабушкиной головы.

— Это зачем? — спросил я.

— Чтоб земля не попала.

Она сказала это быстро. Потом поправила платок, прикрыв вату, и стянула ткань под подбородком. Сбоку, у шеи, кожа собралась в складку.

Крышка уже стояла рядом. Я посмотрел на Валентину Ивановну, но она отвернулась и попросила мужчин не мешкать: начинался дождь со снегом.

За оградой, ниже по склону, между стволами виднелась вода. На озере ещё держался лёд, но возле берега его разломало на тёмные пластины. Они лежали одна на другой, с грязными краями. Пока мы стояли у гроба, снизу несколько раз донёсся глухой удар. Никто не повернул головы.

В детстве я слышал такие удары из бабушкиной кухни. Она говорила: «Байкал ворочается», — и поправляла заслонку. Я представлял, как подо льдом переворачивается огромное тело, которому стало тесно. Теперь, стоя у могилы, я зачем-то вспомнил именно это.

Я хотел возразить. Вместо этого шагнул к гробу, коснулся бабушкиной руки и почувствовал под пальцами ноготь — неровный, с маленьким сколом. В воскресенье я обещал приехать и помочь ей обрезать ногти.

Сегодня была пятница.

На запястье у бабушки осталась нитка. Такими нитками она завязывала пакеты с сушёными ранетками: обматывала горловину, затягивала узел и оставляла длинный конец, чтобы потом не резать. Здесь конец обрезали под самый узел.

Я потянулся к нему.

Валентина Ивановна перехватила мою руку.

— Оставь.

Пальцы сомкнулись так крепко, что я почувствовал её ногти через рукав. Она тут же отпустила меня, будто сама удивилась.

— Она так просила, — добавила Валентина Ивановна.

Про вату бабушка ничего не говорила.

Я купил их. Маленькую коробку с ножницами я положил в сумку рядом с зарядкой.

Венок от матери я вёз из Иркутска. В машине он лежал поперёк заднего сиденья, на пароме я придерживал его коленом, чтобы не сдуло ленту. Теперь венок лежал возле гроба, и надпись «Любимой маме» липла к мокрой земле.

Мать осталась в Иркутске. Врач велел ей лежать; утром она звонила три раза, и каждый раз я говорил, что всё нормально. Мне было стыдно за это слово. О бабушкиной смерти я узнал, пока стоял в супермаркете и выбирал между двумя упаковками кофе. Егор сказал по телефону: «Паша, приезжай», — а я ещё смотрел на ценник.

У гроба я никак не мог понять, куда теперь деть всё, что приготовил для неё.

Валентина Ивановна убрала мои пальцы с бабушкиного запястья и накрыла его краем покрывала. Убедилась, что нитки не видно, и только тогда отошла.

Когда забивали крышку, я отошёл за ограду. Оттуда было видно, как под ногами людей темнеет песок.

***

На бабушкиной улице я насчитал одиннадцать домов. Два стояли с заколоченными окнами. На остальных темнели мокрые крыши, из одной трубы шёл дым. Дальше улица спускалась к железной дороге. Я видел край вагона между заборами и слышал, как где-то стукнули металлом о металл.

Порт Байкал всегда начинался для меня с этого звука. В Иркутске за окном квартиры ездили автобусы, во дворе пищали машины. Здесь железо звенело отдельно от всего остального. Даже летом, когда по берегу ходили туристы, я узнавал стук сцепки через голоса и музыку.

До Листвянки я добрался на такси. Водитель всю дорогу разговаривал по гарнитуре и только возле причала спросил, на экскурсию ли я. Я показал на венок. Он выключил разговор, помог вытащить его из машины и больше ничего не спросил.

У воды пришлось ждать. Я поставил сумку между ботинками, придерживал венок и смотрел на противоположный берег. Над домами тянулся дым. Бабушкиного дома отсюда я найти не мог, хотя в детстве каждый раз показывал на одну и ту же крышу и был уверен, что это она.

Человек рядом со мной вёз две картонные коробки, перемотанные скотчем. На нижней темнело мокрое пятно. Он переставлял коробки, закрывая их от ветра собственными ногами. Сказал, что хорошо бы успеть с этим рейсом.

— А следующий?

Он посмотрел на воду.

— Посмотрим.

Я достал телефон. Егор прислал: «Встречу».

На пароме пахло топливом и мокрой верёвкой. Лента венка хлестала меня по руке. Я намотал её на два пальца, а потом долго не мог снять: ткань стянуло водой. На краю палубы лежала ледяная крошка, в ней застрял смятый окурок.

Вода у истока была открытой. Дальше, в сторону озера, белела полоса льда. Я стоял лицом к Порту Байкал и старался не смотреть на Листвянку, которая оставалась за спиной. Там ждало такси, работали кафе, женщина в светлой куртке фотографировала воду. До всего этого было совсем недалеко.

Егор ждал у причала. Взял венок, потом сумку. Я хотел обнять его, но обе руки у него уже были заняты.

— Не замёрз?

— Нормально.

Он кивнул и пошёл. Встречающие обходили нас, кто-то тянул тележку с мешком. У края причала двое мужчин говорили о переправе. Егор повернулся к ним, послушал несколько секунд и снова пошёл вверх.

Я остановился возле путей, дожидаясь, пока он покажет, где перейти. На рельсе блестела вода. За станцией виднелись жилые дома, и я поймал себя на мысли, что запоминаю дорогу обратно.

Дальше снег лежал только в тени заборов. Возле открытых ворот он осел до чёрной земли. Из-под него выступали прошлогодние листья, кусок проволоки, детская лопатка без ручки. У бабушкиной калитки ждала Валентина Ивановна. Она взяла у Егора венок, посмотрела на меня и поправила воротник моей куртки. Я сказал, что не маленький. Она уже отвернулась.

Из окна кухни смотрела женщина, которую я не узнал.

Соседская собака выбежала на дорогу и сразу замолчала. Упёрлась передними лапами в землю, вытянула шею, нюхая что-то возле крыльца. Егор появился из-за сарая, схватил её за ошейник и увёл. Я хотел помочь, но он поднял руку: не надо. Уже отворачиваясь, попросил закрыть калитку.

Тогда я объяснил себе всё просто. Люди готовили похороны. Никто не обязан был радоваться моему приезду.

Теперь, возвращаясь с кладбища, я увидел, что к калитке привязали кусок проволоки. Свободный конец торчал над щеколдой. Я задел его рукавом и рассердился на эту мелкую деревенскую небрежность. Даже подумал, что завтра сниму проволоку и подтяну петли, чтобы калитка наконец перестала царапать землю.

Бабушкин дом почти не изменился.

Та же зелёная калитка, которая поднималась с земли только после сильного рывка. Та же трещина на нижней ступени. Возле крыльца — жестяной таз, перевёрнутый вверх дном. За сараем виднелась вода. Между двором и берегом стояли ещё два дома, но из кухонного окна было видно достаточно, чтобы бабушка замечала, когда меняются ветер и волна.

В сенях пахло сырыми досками и мешковиной. На гвоздях висели дедова брезентовая куртка и бабушкин стёганый жилет; под ними стояли резиновые сапоги, набитые газетами. Верхний угол входной двери был стеклянным. Когда я был маленьким, бабушка заклеивала его на зиму картоном, чтобы не дуло.

Из сеней попадали на кухню. Пол здесь шёл под уклон: оставленная возле печи ранетка всегда докатывалась до порога. На стене за столом бумажные обои отстали целым пузырём. Под ним проступали прежние — с мелкими синими цветами. Я сам помогал их сдирать лет двадцать назад и помнил, как бабушка ругала меня за обломанный шпатель. После этого мне поручили держать мусорный мешок. На этой должности я продержался до конца ремонта.

У окна стоял буфет с мутными стёклами. На полках теснились рюмки, сахарница без крышки и чашка с видом какого-то города, в котором никто из нас не бывал. Над ними лежала пачка соли, завёрнутая в пакет. Часы на стене показывали без десяти четыре. Маятник остановился.

Вдоль кухни поднимался белёный бок печи. За ней, в узком закутке, начиналась кладовка: шкаф, банки, связки сухих трав под потолком. От её маленького окна до входной двери было всего несколько шагов. Я помнил этот проход широким. Теперь, чтобы пройти, приходилось разворачивать плечи.

В комнате за кухней стояли диван, комод и кресло с продавленными подлокотниками. Над комодом висел дедов портрет. Стекло потемнело по краям, и дед будто смотрел из глубины рамки. Ниже я увидел маленькое пятно, где бабушка каждый вечер касалась стены, поднимаясь с кресла. Обои там были гладкими от её ладони.

Из дома вынесли кровать. На месте, где она стояла, пол оказался светлее. Я задержался в дверях комнаты. Хотелось чем-нибудь закрыть этот прямоугольник, хотя бы половиком.

Вместо кровати вдоль стены поставили два стула. На одном лежал свёрнутый матрас, на другом — коробка с лекарствами. Я открыл коробку. Пустые блистеры, пузырёк с засохшим

лекарством на горлышке, резиновая груша от старого тонометра. Между ними — бумажка, на которой мать записала время приёма таблеток.

Все галочки были одинаковыми, маленькими и ровными. Последняя стояла напротив четверга, девяти вечера.

Бабушка умерла в четверг утром.

Я перенёс коробку на комод. Не хотелось выяснять, кто продолжал отмечать лекарства. Проще было решить, что бумажка осталась с прошлой недели.

На диване лежало полосатое одеяло, которым меня укрывали в детстве. Его постирали, но запах дома не ушёл: печная пыль, сушёные ранетки, мазь, которой бабушка натирала колени. Я поднял одеяло и нашёл под ним её шерстяную кофту. В рукаве осталась английская булавка. Бабушка пристёгивала ею носовой платок, чтобы не искать в карманах.

Я провёл ладонью по дивану. Под обивкой перекатывались крошки.

На стене возле комода сохранились карандашные отметки моего роста. Самая высокая была на уровне груди. Возле неё бабушка написала: «Павлик, 11 лет». Дальше не отмечали: каждое следующее лето я приезжал на всё меньшее время. Сначала на две недели, потом на выходные. Последние годы — на один день, с оглядкой на обратную переправу.

Я впервые заметил, что возле моих отметок есть ещё одна. У самого пола, сантиметрах в двадцати от плинтуса. Чёрточка и дата, которую закрывал край ковра.

Я наклонился, но с кухни позвали.

— Паша. Люди ждут.

Валентина Ивановна стояла в дверном проёме. Смотрела на меня, потом на комод. Я выпрямился и пошёл за ней.

— Сначала поешь, — сказала Валентина Ивановна.

Для гостей накрыли восемь мест. Девятое место оставили бабушке: тарелка, ложка, кусок хлеба.

Я сел возле окна.

На дворе соседский Егор складывал в прицеп кладбищенские лопаты. Прежде чем войти, он обошёл дом, проверил шпингалет на маленьком окне возле кладовки и дёрнул входную ручку.

— Заедает? — спросил я, когда Егор сел напротив.

— Дерево набухло.

— Можно подстрогать.

Егор положил ладонь на край стола.

— Не надо пока.

Я знал Егора с детства. Вместе мы ловили рыбу в ручье и однажды сожгли половину огорода, выкуривая ос. Теперь он был широким, почти лысым мужчиной с обветренным лицом. Если бы я встретил его в городе и не узнал, дал бы лет пятьдесят. Нам обоим был тридцать один год. Он ел, не поднимая глаз, и на вопросы отвечал коротко.

В десять лет Егор умел свистеть двумя пальцами. Я так и не научился. Он вставал на нижнюю перекладину забора, вытягивался над досками и свистел, пока я не выходил. Потом спрыгивал, даже не посмотрев, куда попадут ноги, и уже на бегу рассказывал, что придумал.

Каждое утро у него был новый план. Перегородить ручей, чтобы набрать рыбы руками. Достать гнездо из трубы заброшенной котельной. Сделать плот из дверей, которые лежали за магазином. Он приходил с ободранными локтями, с липкими от варенья пальцами, иногда с чем-нибудь живым в кармане.

Егор смеялся всем лицом. Веки сжимались, нос морщился, во рту показывалась щель на месте переднего зуба. Когда ему было особенно смешно, он садился на корточки, потому что не мог стоять. Сначала смеялись над ним, потом вместе с ним.

Однажды нас поймал хозяин сада. Я застыл с карманами, набитыми ранетками. Егор поднял руки и сказал, что мы проводим учёт урожая, а бумагу забыл начальник экспедиции. Показал на меня. Старик сначала замахнулся прутом, потом захохотал так, что пришлось прислониться к дереву. Нам разрешили набрать ведро, если соберём падалицу.

Я ходил за Егором везде. Дома меня называли рассудительным: я помнил, когда обед, считал сдачу, не лез на чердак без разрешения. Здесь это звучало как болезнь, от которой Егор собирался меня вылечить.

— Ты сначала сделай, — говорил он. — Думать будем, когда поймают.

Перед тем как я уезжал в город, он прятал у калитки какой-нибудь подарок: свисток, гладкий камень, коробку с крючками. Отдавал так, будто это ему было не нужно. Провожал до причала, помогал матери донести сумки. Когда мы отходили, он бежал вдоль берега, выбирая место, откуда ещё мог нас увидеть. Я махал ему, пока лицо не становилось неразличимым. Сначала до меня долетал свист, потом только шум двигателя.

Сейчас его руки лежали по обе стороны тарелки. На пальцах распухли суставы. Глубокая складка тянулась от крыла носа к подбородку, под глазами кожа стала серой. Борода росла неровно, клочками, и он сбрил её не до конца. Возле уха оставалась полоска щетины.

Я попробовал вспомнить, когда перестал узнавать его на фотографиях. Сначала мы переписывались каждую неделю. Потом Егор отвечал через день, через месяц. На моё последнее сообщение с днём рождения прислал поднятый большой палец. Я решил, что обиделся из-за того, что я опять не приехал.

— Помнишь наш плот? — спросил я.

Он сдвинул чашку, оставив на скатерти коричневый круг.

— Помню.

— Ты тогда уверял, что дверь не может утонуть.

— Одна не может. А с нами — может.

— Удобно. Значит, дверь хорошая, пассажиры подвели.

Я улыбнулся. Ждал, что он тоже улыбнётся, и от этого ожидания стало неловко. Егор посмотрел на входную дверь и вернулся к еде.

Разговор за столом всё время обрывался. Начинали вспоминать бабушку, доходили до какой-нибудь мелочи — как она ругалась из-за чужих кур или давала детям недозрелые ранетки — и замолкали. С кухни было слышно, как в холодильнике включается мотор.

У двери сидел Николай Семёнович, который когда-то работал на почте. Я помнил его с чёрными усами; теперь над верхней губой остались редкие белые волоски. Он всё время вытирал ложку хлебом, хотя на столе лежали салфетки.

— Варя-то к осени всё собиралась крышу делать, — сказал он. — Деньги у неё были. Я ей говорил: попроси Павла, он людей найдёт. А она всё: потом да потом. Как твоя мать тогда...

Валентина Ивановна поставила кастрюлю так резко, что бульон выплеснулся на скатерть.

— Суп ещё будешь, Николай?

— Нет.

— Тогда хлеб передай.

Он протянул хлеб через стол. Кусок выскользнул из пальцев и упал возле пустой тарелки. Николай Семёнович посмотрел на него, потом на Валентину.

— Чего смотреть? — сказала она. — Подними.

Он поднял хлеб, но есть больше не стал.

Я спросил, что он хотел сказать про мать. Николай Семёнович ответил, что ничего, просто вспомнил старое. Валентина вытерла скатерть, выжала тряпку в таз и положила возле плиты.

— Она всё делала сама, — сказал я. — Мы предлагали забрать её. У нас комната была готова.

Егор взглянул на меня. Впервые за весь обед.

— Знаем.

— Она могла бы ещё жить.

Я не собирался это произносить. Слова выскочили, и я сразу услышал, как они звучат для людей, которые последние месяцы приносили ей еду и меняли бельё.

Женщина рядом с Николаем Семёновичем положила салфетку на колени. Кто-то подвинул блюдце. Валентина Ивановна села на своё место и расправила передник.

— Могла, — сказала она.

От этого стало хуже.

Егор дотронулся до моей чашки.

— Тебе горячего налить?

Я мотнул головой. В бабушкиной тарелке лежала ложка, которой никто не пользовался. Я смотрел на её ручку и думал, что надо извиниться. Потом Николай Семёнович встал, за ним поднялись остальные. Извиняться оказалось уже не перед кем.

К пяти часам гости разошлись.

Егор вышел последним. Я догнал его у прицепа, пока он затягивал ремень вокруг лопат. Из рукава его куртки выглядывал старый ожог, который я раньше не видел.

— Ты куда?

— Домой.

— Посиди ещё. Я бы с тобой поговорил.

Он потянул ремень. Металлическая пряжка щёлкнула.

— Завтра поговорим.

— Ты на меня сердишься?

Егор перестал возиться с прицепом.

— За что?

— Не знаю. За бабушку. Что редко приезжал.

Он посмотрел на меня так, что я пожалел о вопросе. Казалось, я потребовал, чтобы он успокоил меня ещё и в этом.

— Я тебе звонил в воскресенье, — сказал Егор.

— Я был на работе.

— Знаю.

Я говорил это всем: матери, бабушке, девушке, с которой мы разошлись зимой. На работе действительно было много дел. Но иногда я задерживался там потому, что не хотел возвращаться в пустую квартиру. Иногда видел звонок бабушки и решал сначала поесть, принять душ, немного полежать. Потом становилось поздно.

— Она спрашивала обо мне?

Егор опустил глаза.

— Спрашивала.

— Что ты сказал?

— Что приедешь.

На крыльце Валентина Ивановна выколачивала половик. Мы оба повернулись к ней. Она остановилась, держа его на вытянутых руках, и подождала, пока Егор снова возьмётся за ремень.

— Валентина зовёт к себе, — сказал он. — Переночуй у неё.

— Егор, мне тридцать один год. Мне не нужна нянька.

Он вскинул голову. На секунду в его лице появилось что-то прежнее: нетерпение, с которым он слушал мои объяснения перед очередной вылазкой. Я уже приготовился услышать шутку.

Егор сказал:

— Мне тоже.

И замолчал.

Его лицо за годы стало чужим. Я кивнул на прицеп и предложил помочь довезти лопаты.

— Номер у тебя мой есть?

— Конечно.

— Не выключай телефон.

Он сел в старую «Ниву». Когда прицеп дёрнулся, лопаты стукнулись друг о друга. Егор остановился, вышел и подтянул ремень. Я стоял у калитки и ждал, пока он снова сядет.

— На завтра паром есть? — спросил я.

Он остался у открытой дверцы.

— Пока не говорят.

— Сегодня же ходил.

— Ты приехал. Потом остановили.

Я посмотрел в сторону берега. За забором виднелась полоса воды. С улицы казалось, что она совсем спокойная.

— Поезд тогда?

Егор провёл пальцем по сколу на дверце.

— Камни на путь сошли. Ниже по линии. Люди там работают.

— Надолго?

— Не знаю.

Я достал телефон, открыл браузер. Страница долго оставалась белой. Егор посмотрел на экран и отвернулся.

— Я узнаю, — сказал он. — Если что будет, напишу.

— А пешком до следующей станции?

— Паш, ты хоть просохни сначала.

Это рассердило меня сильнее, чем новости. Я и сам понимал, что никуда сегодня не пойду с сумкой и мокрыми ногами. Хотел знать, есть ли дорога, а он снова говорил со мной как с ребёнком.

Егор сел за руль. Я проводил машину взглядом до поворота. Из соседнего двора слышались обычные вечерние звуки: кто-то наливал воду, хлопнула крышка бака. Со стороны путей донёсся короткий удар. Я поднял голову, ожидая продолжения, но его не было.

Валентина Ивановна позвала меня в дом и осталась мыть посуду. Пальто она сняла, берет оставила. Под пальто оказался выцветший шерстяной жакет, застёгнутый до горла. Из рукава торчал угол носового платка. Поверх жакета она повязала бабушкин передник.

Она мыла даже чистые стаканы, расставленные на буфете, и каждый раз смотрела на окно. Один стакан скользнул в раковину. От звона она дёрнулась и прижала ладонь к груди. Я шагнул к ней, но она уже подняла стакан и проверяла его край.

— Ты сегодня здесь ночуешь?

— Здесь. Надо документы поискать. Мама попросила.

— А у Егора нельзя?

— Зачем? Вы меня друг другу передать пытаетесь? Я же не мешок картошки.

— Мешок бы не спорил, — сказала она.

Я усмехнулся. Валентина Ивановна смотрела серьёзно.

Она вытерла руки полотенцем, сложила его вдвое и повесила на гвоздь.

— В пустом доме тяжело.

— Я справлюсь.

Она взяла меня за запястье. От мокрых пальцев остались холодные следы.

Вблизи я увидел на её шее тонкую цепочку. Вместо крестика на ней висело маленькое кольцо — обручальное, слишком широкое для её нынешних пальцев. Муж Валентины Ива-

новны умер ещё до моего рождения. В детстве я думал, что она всегда была одна, как будто некоторые люди такими появлялись на свет.

Она жила через два дома. У неё были козы, длинная теплица и дочь, приезжавшая из города раз в месяц. Дочь звала её к себе. Валентина отказывалась: коз некому оставить. Теперь коз давно не было, но она всё равно оставалась.

Бабушка говорила, что Валентина умеет зашивать так, что шва не найдёшь. Я сидел у неё на кухне, пока она штопала мои колени на джинсах. Держал ладони подальше от иголки. На столе стояла жестяная коробка из-под печенья, полная пуговиц; мне разрешали высыпать их и рассортировать по цветам.

Эти воспоминания мешали злиться на неё. Я видел перед собой женщину, которая только что похоронила подругу и теперь не знала, как уйти из её дома.

— У меня есть кому звонить, — сказал я. — И телефон заряжен. Если станет тяжело, приду к тебе.

— Приходи сейчас.

Валентина Ивановна посмотрела на часы. Маятник по-прежнему не двигался. Она достала телефон из кармана передника, проверила время и сунула обратно.

— До темноты успеем чай попить.

Я попросил её не беспокоиться. Она втянула губы, и я понял, что её обидело именно это слово. Будто я сказал женщине, которая всё знала о моей бабушке, что теперь её помощь не нужна.

— Я позвоню вечером, — пообещал я.

Она посмотрела на мой телефон.

— Лучше сам приходи.

— Паш, я тебе место постелю у себя.

— Мне правда нужно бумаги разобрать. И в кладовке прибраться.

Она отпустила руку.

— В шкафу?

— И в шкафу тоже.

Валентина Ивановна посмотрела в проход за печью. Постояла так, пока я не повторил, что останусь.

Валентина Ивановна кивнула. Из передника достала ржавый крючок с петлёй.

— Поставь на дверь. Сверху, чтоб рукой из щели не достать.

— Тут воруют?

Я оглядел кухню.

— Из ценного здесь только я. И то на любителя.

Валентина Ивановна даже не посмотрела на меня.

— Ставь.

Я взял крючок. Валентина Ивановна стояла рядом, пока я искал в бабушкином ящике шурупы, и ушла только после того, как петля оказалась прикручена к косяку.

У калитки она обернулась.

— Если ночью позовут, не отвечай.

— Кто позовёт?

— Не отвечай. И всё.

— Даже тебе?

Она так сильно сжала ручку калитки, что побелели костяшки.

— Мне особенно.

Я решил, что она обиделась. Уже собирался сказать что-нибудь примирительное, когда она добавила:

— Если дело будет, до утра потерплю. Ты это запомни.

***

Документы я нашёл в нижнем ящике комода. Бабушка хранила их в пакете из магазина, закрыв горловину деревянной прищепкой.

Паспорт. Сберегательная книжка. Свидетельство о смерти деда. Квитанции за электричество за двенадцать лет.

Среди бумаг лежал конверт с моим именем.

«Паше. Когда приедет».

Я долго смотрел на надпись. Бабушка писала так же, как говорила: экономно, без лишних слов. Никогда не называла меня Павлом.

В конверте оказался ключ и половина тетрадного листа.

«От шкафа в кладовке. Всё тебе. Не отдавай Валентине».

Под этой строкой была ещё одна. Бабушка зачеркнула её несколько раз, продавив ручкой бумагу. Я поднёс лист к лампе, но разобрал только последнее слово: «слышит».

Я позвонил матери.

Она сразу спросила, поел ли я. Потом — всё ли прошло спокойно. Я сказал, что да, и рассказал про конверт.

— Она тебе постоянно что-то откладывала, — ответила мать. — Наверное, фотографии.

— А с Валентиной они ссорились?

В трубке зашуршало.

— Почему?

— Написала, чтобы ей не отдавал.

— Ну не отдавай. Завтра разберёшься.

Мать говорила тихо. Наверное, лежала: когда сидела, голос был другой.

Я хотел рассказать ей про вату. Вместо этого спросил, приняла ли она таблетки от давления.

После звонка дом стал казаться слишком большим.

Я вернулся к комоду и отодвинул край ковра. Дата возле нижней отметки была написана поверх другой даты. Чернила расплылись в волокнах обоев. Разобрать удалось только месяц: август.

Я сфотографировал надпись. В телефоне она выглядела ещё хуже. Выше были мои аккуратные чёрточки, а эта уходила вниз, словно карандаш сорвался из руки.

В верхнем ящике комода нашлась пачка фотографий. На одной мы с Егором стояли возле перевёрнутой лодки. Егор щурился от солнца и держал над моей головой два пальца; я не замечал и серьёзно смотрел в объектив. Между нашими ногами торчал нос бабушкиной собаки. Я хотел отправить снимок Егору, но вспомнил разговор у прицепа и передумал.

На обороте бабушка написала: «Перед отъездом».

Следующая фотография была сделана на этом же месте, с другого ракурса. Возле лодки стояли три стула. Я помнил два: на них сидели наши бабушки, пока мы бегали к воде. На третьем лежала моя куртка.

Может быть, пришёл кто-то ещё. Может быть, стулья просто вынесли просушить. Я перебрал остальные снимки. Нашёл целую серию из того лета, но нигде больше третьего стула не было.

Я положил фотографии на комод. Из нижнего ящика достал недовязанную варежку и клубок. Спицы были воткнуты в пряжу остриями внутрь. Пришлось повернуть клубок несколько раз, прежде чем я смог взять его, не уколовшись.

Варежка была маленькой. Я просунул внутрь два пальца. Бабушка давно не вязала: говорила, что глаза не позволяют. Я поискал вторую варежку. Не нашёл.

Из кухни донеслось царапанье. Вода капнула в раковину, и звук прекратился. Я закрыл ящики, оставив на виду только конверт и фотографии.

Я включил телевизор и попытался разобрать квитанции. На экране женщина выбирала кухонные ножи. В углу горела надпись о скидке, которая закончится через восемь минут.

Дом отвечал на телевизор своими звуками. В печи осыпалась зола. В стене щёлкало дерево. Иногда в кладовке раздавался короткий стук, будто крышка банки задевала соседнюю. В детстве я знал здесь каждый звук. Теперь после любого шороха прислушивался, ожидая продолжения.

Ключ к шкафу не подошёл.

Я попробовал ещё раз, пошевелил ключ в замке, но боялся сломать. При свете телефона увидел, что отверстие забито чем-то тёмным и блестящим.

Пахло воском.

Я провёл ногтем по краю замка. На пальце остался чёрный крошечный завиток. Под замочной скважиной в древесине были четыре глубокие царапины, сведённые к одной точке.

Я приложил к ним пальцы. Расстояние совпало.

Решил оставить до утра.

Перед тем как уйти, я посмотрел на шкаф целиком. Он был ниже, чем мне казалось: верхнюю крышку едва видно за связками трав. Одну дверцу держали на месте две грубые скобы. Их прибили поверх старой краски, и вокруг шляпок древесина потемнела. На другой дверце осталась ручка из гнутой проволоки.

Я подёргал её. Шкаф чуть качнулся.

Внутри что-то упало. Тихий мягкий удар, как если бы с полки соскользнула одежда.

Я отпустил ручку, подождал. За маленьким окном чернели голые ветви ранетки. На стекле отражалась моя рука с ключом; шрам возле большого пальца выглядел белым. Егор когда-то случайно попал мне по руке ножом, когда мы обстругивали палку. Он тогда перепугался сильнее меня и почти плакал, пока Валентина Ивановна промывала порез.

Я представил, как звоню ему и спрашиваю, почему бабушкин шкаф заколотили. Он скажет: чтобы дверца не развалилась. Всё здесь можно было объяснить, если найти человека, который делал ремонт.

В сенях я достал из сумки ножницы. Положил коробку возле буфета, рядом с бабушкиной тарелкой. Ключ оставил в конверте, конверт — под телефоном.

Потом я снова открыл расписание переправы. Там всё было как обычно: часы отправления, короткие строки, ни одного слова о том, что говорил Егор. Я позвонил по указанному номеру. Пока слушал гудки, убрал со стола бабушкину тарелку. Под ней остался влажный круг.

Мне ответили, что рейсы временно приостановлены. На вопрос об утре сказали перезвонить утром.

Я спросил про катер. Женщина уточнила, что я нахожусь в Порту Байкал, и посоветовала не рассчитывать на переправу сегодня. Голос у неё был усталый. Наверное, я спрашивал то же самое, что и все остальные.

В переписке с Егором появилась фотография. Камни на шпалах, кусок рельса, оранжевая спина человека. Я увеличил снимок. За человеком стоял ещё один, с длинным инструментом в руках.

«Знакомый прислал. Путь закрыт».

Я написал: «До утра сделают?»

«Узнаю».

На фотографии был кусочек неба. Такой же серый, как над нашим двором. Я зачем-то задержался на нём, потом закрыл снимок и позвонил матери.

Сказал, что задержусь. Она спросила, не случилось ли чего. Я ответил: переправа, погода, ничего особенного. Слово «камни» почему-то не произнёс.

— Переночуй у Вали, — сказала мать.

— Я уже устроился.

— Она тебе предлагала?

— Мам, всё хорошо.

Мы поговорили ещё немного. Когда я положил телефон, на столе передо мной снова оказалась бабушкина тарелка. Наверное, сам вернул, пока разговаривал. Я вспомнил влажный круг и решил не проверять, остался ли он под ней.

Документы отвезу завтра. Мать спросит, что осталось в доме, и я покажу фотографии. Мы решим, кому отдать мебель. Когда наладится переправа, надо будет приехать ещё раз, с машиной побольше. Я записал в телефоне: «Коробки, скотч, мешки».

Я продумывал всё это, пока вода в чайнике не закипела. План на завтра помогал не замечать, что сегодня в доме больше некому налить чаю.

***

В половине двенадцатого я проснулся в кресле.

Телевизор показывал ту же женщину. До конца скидки снова оставалось восемь минут.

За окном было темно. Дождь прекратился. Из-за сарая доносился шорох воды, иногда в нём раздавался сухой треск. Я привык за день и почти перестал его замечать.

Я посидел, слушая холодильник. Потом компрессор выключился, и в наступившей тишине стало слышно другое: в сенях кто-то осторожно переступил с ноги на ногу.

Скрипнула одна доска. Всего раз.

Я встал, выключил телевизор и пошёл проверить дверь. Крючок держался хорошо. Ниже торчала задвижка, которую бабушка всегда закрывала на ночь. Я задвинул и её.

Сени были пусты. Я пошевелил дедову куртку, заглянул под неё. Сапоги стояли как прежде, из одного торчала смятая газетная страница. На ней темнело мокрое пятно.

Наверное, натекло с крыши.

Когда я возвращался, на кухне стукнула ложка.

Я остановился.

Ложка лежала на полу под столом. Рядом, у самой стены, стояла бабушкина пустая тарелка. Валентина Ивановна почему-то не убрала её.

Я поднял ложку, положил в раковину и лёг на диван. Бабушкина собака раньше спала возле печи. Её забрали соседи ещё зимой; миска осталась под лавкой.

На кухне я оставил свет. Из комнаты была видна полоска жёлтых обоев возле входа в сени. Я смотрел на неё, пока глаза не начали слипаться.

Я вспоминал всё это по отдельности, стараясь не думать о могиле.

Около полуночи скрипнула калитка.

Звук был короткий и знакомый: металл царапнул землю, потом петли протяжно пожаловались.

Я приподнялся.

По дорожке кто-то шёл. Медленно, шаркая. На третьей ступени шаги остановились.

Бабушка всегда отдыхала на этой ступени. Там поручень был выше, и ей было удобнее опереться локтем.

— Паш.

Я сел.

Голос был бабушкин.

Последние месяцы она говорила с присвистом. Перед длинной фразой делала два коротких вдоха — первый почти беззвучный, второй жадный, болезненный. Я слышал их в каждом телефонном разговоре.

За дверью вдохнули дважды.

— Паш, ты спишь?

Я стоял посреди комнаты и сжимал телефон. Большой палец никак не попадал в кнопку разблокировки.

Наконец экран загорелся. Я открыл фотографии, пролистал слишком далеко, вернулся. Сегодняшний снимок: венки, ограда, холмик свежей земли. Я смотрел на него, пока за дверью ждали.

— Замёрзла я, Паш.

Я вышел на кухню. Под голыми ступнями чувствовался каждый стык половиц. До двери оставалось три шага, и с каждым шагом запах сырой земли становился сильнее.

Крючок на двери оставался неподвижным.

— Я встать не могу. Помоги мне.

Я сделал шаг.

В больнице она однажды упала, когда пыталась дойти до туалета без меня. Я был в коридоре, разговаривал с врачом. Потом бабушка говорила, что не ушиблась, но до вечера держала руку на бедре.

Теперь за дверью она всхлипнула точно так же, как тогда.

— Пашенька.

— Я здесь, бабуль.

Я произнёс это раньше, чем вспомнил про Валентину.

На крыльце затихли.

Я услышал, как за дверью провели ладонью по дереву. Снизу вверх, до стекла. Потом ещё раз, уже быстрее.

В мутном прямоугольнике показалось что-то белое. На уровне моего лица. Слишком высоко для бабушки: последние годы она была ниже меня почти на голову.

Я отступил до стола. Его край больно ударил под коленями.

— Бабушка умерла, — сказал я, уже тише.

Из-за двери ответили:

— Знаю.

Голос остался её. Только дыхания между словами больше не было.

Ручка опустилась.

Я видел, как она поворачивается: медленно, с небольшими остановками, будто человек снаружи проверял, насколько хватит сил. Задвижка удержала дверь.

Тогда поскребли под самым крючком.

Отверстие у старого замка было забито тряпкой. Тряпка медленно сдвинулась внутрь. Я смотрел, как она выползает из дерева, пока не вспомнил про выключатель. Щёлкнул им, присел за столом, набрал номер матери. Представил, как она берёт трубку, как спрашивает, что случилось, — и сбросил звонок.

Позвонил Егору.

Егор ответил сразу.

— Ты где?

— В доме.

— Отойди от двери.

— Тут кто-то…

— Отойди.

Я перебрался за печь.

Здесь пахло холодной золой и сухой полынью. Я прижал колени к груди. Белёная поверхность печи пачкала рубашку; локоть всё время соскальзывал с округлого выступа.

На крыльце тихо засмеялись.

Я зажал ладонью другое ухо, чтобы лучше слышать телефон.

— Я ей ответил, — прошептал я.

Егор молчал.

Потом он спросил:

— По имени тебя звала?

— Да.

— А ты что сказал?

Я повторил. Каждое слово.

В трубке что-то стукнуло. Я представил, как он ставит чашку на стол.

— Что теперь делать?

— До света дверь не открывай. Ни окно, ни дверь. Я приду.

— Сейчас?

— До света не приду.

Я поднял телефон ближе к губам, чтобы спросить почему.

За дверью бабушка сказала:

— Он и раньше не приходил.

Связь оборвалась.

Я остался с телефоном у щеки. На экране светилось моё отражение, и в нём я видел, как дрожит нижняя губа.

Я почти ничего не слышал из-за собственного дыхания. Поэтому зажал нос и на несколько секунд закрыл рот ладонью.

За дверью кто-то продолжал дышать в том же ритме.

Я набрал 112.

Сначала пришлось ответить на несколько вопросов. Женщина на линии попросила назвать адрес. Я сказал: Порт Байкал, — потом улицу и номер дома. Пока говорил, мне казалось, что кто-то у двери слушает особенно внимательно.

— Вы видите этого человека?

— Нет. В дверь ломится.

— Вы один в помещении?

Я ответил, что один, и сразу посмотрел в проход за печью.

Женщина попросила оставаться внутри. Сказала, что передаст вызов полиции. Я спросил, когда приедут. Она повторила, что вызов передадут, и попросила держать телефон при себе.

После разговора я сидел, глядя на список звонков. Хотелось набрать снова, уточнить, объяснить лучше. Но что объяснять? Что бабушка, которую я сегодня похоронил, стоит на крыльце? Оператор спросит, не принимал ли я что-нибудь. И будет права, потому что я сам задал бы такой вопрос.

Я открыл переписку с Егором.

«Я вызвал полицию».

Сообщение прочитали почти сразу.

«Хорошо. Жди в доме».

Я написал: «Ты слышишь её?»

Егор долго ничего не отвечал. Потом под сообщением появилась строка: «печатает». Исчезла. Появилась опять.

«У меня тихо».

Я перечитал ответ несколько раз. В нём не было ни вопроса, ни удивления. Егор не написал, что я сошёл с ума, что возле дома кто-то шутит, что на кладбище могли перепутать. Он сказал, что у него тихо.

Я набрал ещё одно сообщение. Спросил, почему тогда он не придёт.

Но не отправил.

***

Всю ночь я сидел возле печи.

Сначала за дверью разговаривали. Бабушка просила принести стул, потому что ноги не держат. Рассказывала, что забыла в доме очки. Один раз спросила, почему я не приехал в воскресенье.

Я закрыл уши.

Через некоторое время она начала плакать. С паузами, тихо, как плачут, когда рядом кто-то спит. Я просидел так несколько минут, прежде чем понял, что слышу её слишком отчётливо.

Плач доносился из кладовки за моей спиной.

Я повернулся. Проход был чёрным. Даже свет телефона не доставал до шкафа: луч упирался в угол печи.

— Паш, у меня руки болят.

Я прижал телефон к груди. Свет погас под рубашкой.

Снаружи в дверь ударили. Задвижка звякнула.

Тогда скрипнуло маленькое окно возле кладовки.

Я не пошёл проверять. Егор днём трогал шпингалет. Я вспомнил это и повторял про себя, что окно закрыто, пока скрип не прекратился.

Вслед за ним стих плач.

Телефон показывал два часа семнадцать минут. Заряда оставалось меньше половины. Провод лежал в сумке в сенях; розетка была возле дивана. Я несколько раз прикидывал расстояние. Встать, пройти через кухню, взять сумку, вернуться в комнату. Меньше минуты.

Сначала надо было убедиться, что на кухне никого нет.

Я поднял телефон и направил свет в дверной проём. На столе белела коробка с ножницами. Возле неё — конверт. Дальше луч цеплял буфет, угол скатерти, ножку бабушкиного стула. Сени скрывала стена.

Мне показалось, что с той стороны стены на пол тоже лёг свет. Узкая полоска, ровная, как от экрана.

Я опустил телефон.

Полоска исчезла.

Я повторил движение медленно. Снова увидел свет за углом. На этот раз он появился чуть позже моего. Как будто кто-то не успел вовремя поднять руку.

Я не стал проверять третий раз.

Сидеть дальше было трудно. Ноги затекли, внутри сводило от холода и необходимости дойти до туалета. Туалет стоял за домом; я вспомнил, что в кладовке есть ведро, и сразу понял, что не возьму его даже при включённом свете.

Кто-то снаружи провёл пальцем по стеклу.

Звук шёл от окна кухни. Сквозь занавеску проступила тёмная полоса, потом вторая. Я смотрел на них, пока не понял, что это не пальцы. На стекло положили ладонь ребром, повернули и прижали всей поверхностью.

У бабушки не разгибался мизинец. Она держала чашку четырьмя пальцами и постоянно жаловалась, что ручки у современных чашек слишком маленькие.

За занавеской мизинец медленно выпрямился.

Я закрыл глаза. Открыл. Ладони уже не было.

Через несколько минут позвонили из полиции. Мужчина уточнил адрес, спросил, есть ли сейчас кто-нибудь у двери. Я сказал, что не могу посмотреть. Он велел запереться.

— У вас там кто-нибудь из знакомых рядом есть?

Я назвал Егора и продиктовал его номер. Мужчина записал, уточнил фамилию. На заднем плане щёлкала клавиатура.

Я спросил, придут ли ко мне.

— Сейчас выясняем, как добраться. Переправа остановлена, вы знаете?

Я знал. Но услышать это от него оказалось хуже, чем днём от Егора.

— По железной дороге тоже нельзя, — сказал я.

Он ответил, что вопросом занимаются, и попросил не отходить от телефона. Если кто-нибудь начнёт выламывать дверь, сразу звонить снова.

Крючок выглядел слишком тонким. Я спросил, когда перезвонят.

— Как только будет информация.

Я назвал примету дома: зелёная калитка, жестяной таз возле крыльца. Когда разговор закончился, за стеной тихо повторили:

— Зелёная калитка. Жестяной таз.

Так ровно и раздельно, как я говорил человеку, записывавшему адрес.

Я сидел и ждал, что сейчас услышу шаги в проходе. Пытался вспомнить, что стоит между шкафом и печью. Банки. Ведро. Если кто-нибудь пойдёт, обязательно заденет ведро.

Оно не звякнуло.

Зато в комнате медленно скрипнули пружины кресла.

Я осторожно отвёл телефон от груди. Узкая полоска света легла поперёк дверного проёма. Из темноты выступили пустая спинка кресла и угол подлокотника. Пружины скрипнули ещё раз, глубже, как под человеком, который устраивается поудобнее. Я спрятал экран.

Мне хотелось выскочить из-за печи и включить свет. Так сильно, что я зажал одну руку другой, удерживая себя на месте.

Возле самого уха прошептали:

— Гляди на меня, Пашка.

Это был голос Валентины Ивановны.

Я уткнулся лбом в колени. Вспомнил её мокрые пальцы на запястье, обещание потерпеть до утра. И не повернул головы.

Шёпот продолжался. Слова разобрать не удавалось. Иногда я чувствовал, как возле уха движется воздух, но прикосновения не было. От этого хотелось ещё сильнее прижаться к печи. Я понимал, что если уползу в комнату, придётся сначала увидеть, кто находится рядом.

В какой-то момент со стороны воды донёсся звук мотора.

Я поднял голову. Он приближался, сбавлял обороты, потом снова набирал их. В детстве я по этому звуку понимал, что дед возвращается. Бабушка снимала с плиты кастрюлю, я бежал за сарай и смотрел, как он подводит лодку к берегу.

Казалось, лодку подводят к берегу за сараем. Я ждал, что по стеклу пройдёт луч фонаря. Даже поднял руку, чтобы заслонить экран телефона.

Окно оставалось тёмным.

Мотор затих. На берегу звякнуло железо.

Я считал секунды. От воды до нашего крыльца надо было подняться мимо двух домов, обойти забор, открыть калитку. Никто её не тронул.

По ступеням уже шли.

— Павел, — позвали с крыльца. — Полиция. Откройте.

Я потянулся к телефону. Звонков не было. Написал Егору, но пальцы так дрожали, что пришлось стереть сообщение и набрать заново.

«Приехали. Открывать?»

Снаружи постучали. Три удара, пауза, ещё один.

— Павел, у нас другие вызовы. Вы сами звонили.

Егор прочитал сообщение.

«Мне перезвонили. Они ещё на другом берегу. Не открывай».

Я перечитал эти слова, прижав экран к лицу.

— Павел.

Голос стал ближе. Теперь говорили не через дверь, а через маленькое окно кладовки.

— Мы видим, что вы не спите.

Я отвернул экран к стене и написал Егору, что слышал мотор с воды. Он ответил: «Лодку видел?»

Не видел.

Я слушал, как человек на крыльце перекладывает что-то из руки в руку. Как шуршит куртка. Как подошва цепляет край ступени. Мне хотелось поверить каждому звуку. Приходилось вспоминать, сколько раз за сегодня калитка скрипела даже от слабого толчка. Сейчас её никто не открывал.

— Ну ладно, — сказали снаружи.

После этого стало тихо. Ни шагов к берегу, ни запуска мотора я не услышал.

Я ждал, что на телефоне появится настоящий звонок. Потом перестал смотреть на время. Следил только за батареей и за окном кухни, где темнота постепенно теряла глубину.

Под утро на крыльце начали двигать что-то тяжёлое. Протаскивали по доскам, отдыхали, снова тащили.

Я смотрел на сереющее окно кухни. Когда за ним проступила ранетка, телефон завибрировал.

«Не выходи. Мы идём».

Я дождался голосов за калиткой. Узнал Валентину Ивановну, потом Егора. Они говорили между собой о какой-то сумке.

— Паша, открой, — сказала Валентина.

Я не двигался.

— Светло уже. Можно.

Я подошёл к двери, поднял крючок и отодвинул задвижку.

На крыльце стояло бабушкино кресло. То самое, в котором я уснул перед телевизором.

Я обернулся.

Возле комода остался прямоугольник примятого ковра.

Валентина Ивановна протиснулась мимо меня с кастрюлей. Егор взял кресло за спинку, но Валентина остановила его:

— Пока оставь.

Она прошла на кухню, достала из сумки хлеб и поставила чайник. Всё делала быстро, придерживая одной рукой крышку кастрюли.

В дневном свете она выглядела старше, чем на кладбище. Под глазами припухли тёмные мешки, ворот жакета застёгнут криво. Увидев, где я сидел, она подошла и потрогала побелку на моей рубашке. Потом взяла меня за подбородок, подняла лицо.

— На меня посмотри.

Я отшатнулся так резко, что ударился затылком о косяк.

Она убрала руку. Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

— Ты ночью здесь была? — спросил я.

Валентина Ивановна посмотрела на Егора. Он стоял в сенях и держал дверь открытой локтем.

— У себя была.

— Я слышал тебя.

Она опустила глаза на мою рубашку. На белые следы от печи.

— Значит, это не ты говорила? — спросил я.

Валентина подняла голову.

— Ты посмотрел?

Я покачал головой. Она закрыла глаза и медленно выдохнула через нос.

Егор прошёл на кухню. На улице за его спиной уже было светло, но я всё ещё ждал, что вместе с ним войдёт кто-то ещё. Он заметил мой взгляд и закрыл дверь. Проверил задвижку, хотя наступило утро.

— Полиция звонила, — сказал он. — С переправой пока решают. Просили узнать, как ты.

— Ты им сказал, что приходили?

Егор покачал головой.

— Сказал, что ты в доме.

Я хотел спросить, почему он не рассказал остальное. На улице сквозь ветви ранетки виднелась вода. Листвянку отсюда закрывал сарай. Ещё вчера утром я стоял на том берегу с венком и ждал паром.

Я посмотрел на него. На серые веки, на руку, которую он никак не убирал с задвижки. Ночью я злился, что он не пришёл. Теперь хотел спросить, сколько раз он сам сидел вот так, слушая крыльцо.

Валентина Ивановна отвернулась к плите и обеими руками взялась за кастрюлю.

— Ты слышала? — спросил я.

— Садись.

— Что это было?

Она поставила передо мной тарелку.

Потом ещё одну — Егору. Третью — себе.

И четвёртую — у стены, на бабушкино место.

Налила туда суп, положила ложку. Придвинула стул и сразу отступила, будто край стола был горячим.

— Валентина Ивановна.

— Ешь, пока тёплый.

Егор сел возле окна. Я заметил у него в руках два белых комочка. Он разжал пальцы и спрятал вату в карман.

Один комочек был испачкан чёрной землёй.

— Вы знаете, кто приходил?

Валентина Ивановна посмотрела на пустой стул.

Из четвёртой тарелки поднимался пар.

— Сегодня первая ночь прошла, — сказала она. — Ещё две.

Поверхность супа в четвёртой тарелке дрогнула. Пар потянулся в сторону, над супом прошла мелкая рябь. Кто-то подул, пробуя, остыл ли он.

Я посмотрел на Валентину Ивановну. Она медленно опустила ложку и положила ладонь на мою руку.

Под столом что-то коснулось моей босой ступни.

Калитка за окном скрипнула.

Глава 2. Дневной свет

Я отдёрнул ногу и ударился коленом о стол.

Ложки звякнули. Валентина Ивановна крепче сжала мою руку, но я вырвался, оттолкнул стул и встал. Егор тоже поднялся. Он смотрел не на меня — вниз, туда, где только что были мои ноги.

— Что? — спросил я.

Никто не ответил.

Я наклонился и поднял край скатерти.

Под столом лежала старая дорожка. На ней — хлебная крошка, нитка, блестящая чешуйка побелки. Возле стены стояли бабушкины войлочные тапочки. Один был повёрнут носком к двери, второй лежал набок.

Больше ничего.

Я ещё немного подержал скатерть, не зная, что делать с этим пустым местом. Хотелось залезть под стол и ощупать пол, но тогда пришлось бы стать на четвереньки рядом с тапочками.

Валентина Ивановна убрала руку со стола.

— Обуйся, — сказала она.

На тыльной стороне моей ступни осталось мокрое пятно. Я провёл по нему пальцем. Вода была холодной. На полу под столом сухо.

Калитка скрипнула ещё раз.

Егор оказался у окна раньше, чем я выпрямился. Приподнял занавеску двумя пальцами. Плечи у него опустились.

— Семёныч.

Я подошёл рядом. Николай Семёнович стоял во дворе в расстёгнутом ватнике. На вчерашних поминках он показался мне маленьким, ссутулившимся. Сейчас под ватником виднелся свитер, натянутый на живот, а в руке — пакет с хлебом.

От этого стало почти стыдно за собственное облегчение.

Егор открыл дверь. Старик постучал сапогом о нижнюю ступень, стряхивая налипшую землю, и посмотрел на кресло.

— Опять вынесли?

Он сказал это прежде, чем увидел меня.

Валентина Ивановна вышла в сени.

— Клади сюда, Коля.

— Свежего не было. Этот ещё мягкий.

Я стоял за её спиной. Старик перевёл взгляд с кресла на меня, потом снова на кресло. Ноздри у него дрогнули.

— Доброе утро, Павел.

— У кого как.

Он кивнул, будто именно такой ответ ожидал.

— Что значит «опять»? — спросил я.

Николай Семёнович поправил пакет на лавке. Хлеб лежал коркой вверх. Он перевернул его, хотя места на лавке было достаточно.

— Варя летом любила посидеть.

— Сейчас не лето.

— Так я и говорю.

Валентина взяла старика за локоть и повела к калитке. Я хотел пойти за ними, но Егор положил ладонь на дверной косяк, поперёк прохода.

— Дай ей поговорить.

— А мне что делать? Доесть с четвёртым?

Егор убрал руку.

Я обулся. Носок прилип к мокрому месту на ноге. Пока завязывал шнурки, за калиткой говорили тихо, и я ненавидел их обоих за эту возможность — стоять на воздухе и обсуждать меня, не подбирая слов.

Когда Валентина вернулась, суп в моей тарелке почти остыл. Из четвёртой ещё шёл пар.

Я не сел.

— Унеси.

Она посмотрела на тарелку.

— Паша, еда ни при чём.

— Тогда сама ешь.

Егор отвернулся к окну. Валентина постояла возле стола, потом взяла четвёртую тарелку обеими руками. В буфете нашла блюдце и накрыла им суп.

— Куда? — спросил я.

— Пока сюда.

Она поставила тарелку на край плиты. Ложку забрала, стул придвинула к стене. Сделала это буднично, как убирают лишнее место после гостя, которому пришлось уйти раньше.

Меня трясло сильнее, чем ночью.

Ночью можно было сидеть, не двигаясь. Утром от меня уже требовалось что-то понять, сказать, выбрать. Я смотрел на чашку и не мог вспомнить, сколько ложек сахара обычно кладу.

— Ты знала? — спросил я Валентину.

— Я тебе говорила уходить.

— Это не ответ.

— Знала, что одному тяжело будет.

— Кресло само на улицу вынеслось. Под столом меня кто-то трогал. В тарелку кто-то дул. Давай без «тяжело».

Валентина Ивановна сняла берет. Под ним волосы были влажными. Она положила его на колени и несколько раз разгладила пальцами край.

— После смерти в доме не сразу всё уходит, — сказала она.

— Кто не уходит?

Она посмотрела на закрытую тарелку.

— Не знаю, Паша.

Я засмеялся. Смех получился короткий, неприятный.

— У тебя вся сервировка на него рассчитана, а ты не знаешь.

Егор сел на лавку. Доска под ним скрипнула, и я резко повернулся. Он замер, не успев убрать руку с сиденья.

— Она не знает, — сказал он. — Я тоже.

— Но две ночи знаете.

— Варя так говорила, — ответила Валентина.

— И если я их проведу здесь, всё закончится?

Она подняла на меня глаза.

— Я этого не сказала.

За её спиной на плите чуть съехало блюдце. Край тарелки выступил из-под него на ширину ногтя.

Я смотрел, не моргая. Валентина не повернулась.

— Что мне делать? — спросил я.

— Сейчас пойдёшь к Егору. Поспишь. Вечером вместе будем.

— А здесь кто?

— Дверь закроем.

Я перевёл взгляд на Егора. Он заметил, куда я смотрю, встал и снял тарелку с плиты. Блюдце поправил уже в руках. Поднёс к раковине, но Валентина покачала головой.

Егор поставил её обратно.

***

Зарядка лежала там, где я оставил её вчера. За одну ночь провод успел перекрутиться с ручками пакета, и я распутывал его так долго, что Егор взялся помочь.

— Сам, — сказал я.

Он отступил.

Телефон показывал четыре процента. Я подключил его возле дивана и сел на пол: до края сиденья провод не доставал.

Стук на кухне оказался ножом, который Валентина положила на доску. Шорох за стеной — Егоровой курткой. У окна прошла тень, и я встал, но это Николай Семёнович возвращался по улице. Он нёс пустой пакет и зачем-то смотрел под ноги.

Я набрал мать.

Она ответила после первого гудка.

— Паш, ну что?

— Ты не спала?

— Рано проснулась. Переправа открылась?

Я сказал, что пока нет. Мать помолчала.

— Голос у тебя нехороший.

Я начал с кресла. Рассказал, где уснул, где проснулся, как утром открыл дверь. Пока говорил, всё звучало слабее. Как будто я жаловался на мебель, которую переставили без моего согласия.

— Может, сам вынес? — спросила мать.

— Я за печью сидел.

— Зачем?

Вот тут я остановился.

Валентина Ивановна появилась в дверях комнаты. Она не пыталась подслушивать незаметно. Стояла и смотрела прямо на меня.

— Мне ночью стучали, — сказал я в трубку. — Говорили бабушкиным голосом.

Мать втянула воздух. Я слышал, как он прошёл через сжатые зубы.

— Ты Вале сказал?

— Она здесь.

— Дай ей.

— Сначала со мной поговори.

Мать не ответила. На её стороне что-то щёлкнуло: наверное, пластиковая крышка коробки с таблетками.

— Мам. Ты слышишь?

— Слышу.

— Ты раньше такое слышала?

Она начала говорить, остановилась, прокашлялась.

— После похорон бывает... Иногда кажется, что человек ещё в доме.

— Не в доме. Снаружи. Потом внутри. И Валентина заранее сказала не отвечать.

Валентина опустила голову.

— Ты ответил? — спросила мать.

Я посмотрел на неё, хотя она была в Иркутске и не могла увидеть моего лица.

— Ответил.

На кухне Егор открыл кран. Вода ударила о раковину и быстро стихла.

Мать сказала:

— Уходи оттуда, Паша.

Слова прозвучали без паузы. Так она говорила, когда я в детстве подносил к розетке что-нибудь металлическое.

— Я собираюсь. Но ты мне объясни.

— Всё потом. У Вали побудь, пока не пойдёт паром.

— Вчера бабушка написала, чтоб ей не отдавать ключ. Сегодня вы обе меня к ней отправляете. Я уже не понимаю, кого слушать.

— Меня слушай.

Я прижал телефон к уху. Мать опять зашуршала.

— Ты там одна? — спросил я.

— Одна. А что?

— Ничего.

— Паш, дай Вале.

Я протянул телефон Валентине. Она выслушала мать, сказала: «Он со мной будет», — и вернула его.

— Почему именно к Вале? — спросил я.

— Она рядом. И сейчас нельзя одному.

За её словами я услышал короткий вдох с присвистом. Прижал телефон теснее к уху.

— Мам, ты одна?

— Одна. Паша, что у тебя?

Я попросил включить телевизор. Она не стала спорить. Через несколько секунд в трубке заговорили про завтрашнюю погоду. Я слушал диктора, пока перестали дрожать пальцы.

— Прости. Просто не спал.

Мы договорились, что я сообщу, когда уйду из дома. Валентина дождалась, пока я закончил разговор.

— Она сказала, чтоб я тебя не оставляла, — произнесла она. — Это я могу.

Я снова подключил зарядку. Телефон лёг на пол экраном вверх. Из кухни доносился скрип стула, потом шаги Егора.

— Паш, пойдём, — сказал он из дверей.

Я поднял голову.

Егор стоял на кухне, за Валентиной. В руках у него была моя сумка.

Голос прозвучал ближе.

Я посмотрел в проход между диваном и комодом. Там было пусто. На обоях светился прямоугольник утреннего солнца.

— Ты что? — спросил Егор.

Я выдернул провод так резко, что из розетки вышел и блок.

***

На улице пахло мокрым деревом. С крыши сарая стекала вода. На одном гвозде висела верёвка, которой дед привязывал лодку; нижний конец за зиму почернел и вмёрз в последний кусок снега возле стены.

Я остановился на крыльце.

Кресло стояло боком к двери. В щели подлокотника застряла светлая шерстинка. Ножки не были испачканы. На дорожке у крыльца вода смешалась с землёй, но на деревянных ступенях я не увидел ни одной грязной полосы.

Я присел и посмотрел на дно кресла.

Егор ждал у калитки. Валентина вышла следом и закрыла дом.

— Потом разберёмся, — сказала она.

— Ты уже пыталась?

Она провернула ключ. Потом потянула за ручку, хотя дверь и так закрылась с сухим щелчком.

— Не трогай его пока.

В щели между сиденьем и спинкой блеснуло что-то маленькое. Я провёл пальцем. К пальцу прилип кусочек чёрного воска.

Такой же я вчера снял с замка в кладовке.

Я вытер руку о бумажный платок и спрятал платок в карман.

— Откуда у тебя вата? — спросил я Егора.

Он не сделал вид, что не понял.

— На крыльце лежала.

— Обе?

— Одна возле кресла. Другую у двери нашёл.

— И решил мне не говорить?

Егор посмотрел на Валентину. Она отвернулась, убирая ключ.

— Не знал, как сказать.

— Просто. «Паша, тут кусочки ваты, похожие на те, что мы вчера в могилу положили». Не так уж сложно.

— Я не знаю, те ли это.

Он достал из кармана пакет. В нём лежали два комочка. Один чистый, с торчащим концом, второй смялся и почернел сбоку. Вчера я видел, как Валентина скатывала вату. Смотрел на пакет и пытался вспомнить, какой стороной она положила её в уши.

— Ты там был? — спросил я.

— Где?

— У бабушки.

Он понял и покачал головой.

— С утра не был. Сначала к тебе пришёл.

Егор убрал её обратно.

На улице открылась дверь. Женщина вынесла на крыльцо половик, встряхнула его два раза и замерла, увидев нас. Потом быстро встряхнула ещё раз, уже без необходимости, и ушла в дом.

— Почему она смотрит? — спросил я.

— Ты приехал, — ответила Валентина.

— Она вчера в доме была?

— Нет.

— Тогда откуда знает?

Валентина прошла мимо. Егор взял мою сумку, которую я забрал у него ещё в сенях.

Я не стал отнимать второй раз.

У калитки меня остановило что-то простое: проволока. Вчера свободный конец торчал вверх. Теперь он оказался согнут вдвое и лежал вдоль щеколды. На старом металле виднелась свежая светлая полоса.

— Ты её согнул? — спросил я.

Егор покачал головой.

— Валь?

Она не обернулась.

Я провёл большим пальцем по изгибу. Палец сразу заболел: проволока была толстая, пружинила, и поднять её одной рукой не получилось.

Снизу, из щели между калиткой и землёй, тихо высыпалась сухая труха.

Я отнял руку.

***

К Егору я не пошёл.

На развилке сказал, что сначала спущусь к причалу. Валентина начала возражать, но я уже повернул. Егор нагнал меня, отдал сумку и пошёл рядом.

— Ты сутки не спал.

— Поэтому хочу узнать, где посплю следующие.

— У меня можно.

— Я про Иркутск.

Он замолчал. Под ногами размокшая земля сменилась щебнем. Впереди открылась вода.

Возле причала стояли двое мужчин в рабочих куртках, курили и смотрели на телефон. Чуть дальше человек грузил коробки на тележку. На одном колесе намотался пакет; человек присел снять его.

За причалом шумела вода. Ледяные обломки расходились и снова сходились, тёрлись краями. Один был прозрачным, с белыми пузырями внутри. Его подняло волной, и на секунду я увидел под ним пустую темноту.

Мужчины посмотрели на нас. Егор поздоровался с одним, дежурным с причала.

— Пока без новостей? — спросил он.

— По воде нет. По пути вроде шевелятся.

Я попросил объяснить. Дежурный с причала сказал, что работы идут, людей к месту камнепада привезли, когда закончат — ему неизвестно. По воде тоже ждут решения. Он работал поблизости и обещать мне ничего не мог.

— А если пешком?

Дежурный с причала посмотрел на мою сумку, потом на обувь.

— Куда собрался?

— Туда, откуда можно уехать.

— Тогда сперва узнай, откуда. А то до вечера только ноги сотрёшь.

Он достал телефон и показал другую фотографию пути: камни собраны ближе к склону, рядом стоят люди. Под снимком — сегодняшнее время и короткая переписка о работе.

Егор не придумал камнепад.

Мне пришлось признать это, и я почувствовал себя хуже. До сих пор можно было думать, что он удерживает меня здесь.

— Номер оставь, — сказал дежурный с причала. — Если услышу, сообщу.

Я продиктовал. Он набрал меня, мы дождались звонка. Имя «дежурный с причала» сохранилось в телефоне, и я зачем-то проверил его ещё раз.

С переправой ничего не изменилось. Я позвонил мужчине из полиции, который перезванивал ночью, назвал адрес и рассказал про кресло. Он попросил прислать снимки и до проверки одному в дом не возвращаться. Добраться к нам пока не мог.

На фотографиях были дверь, пустое кресло и мои ботинки. Ночью всё это выглядело иначе.

Я показал дежурному с причала снимок ваты. Он увеличил его двумя пальцами.

— Это откуда?

Я сказал, что нашли у дверей.

— Птицы могли растащить, — ответил он. — На гнёзда всякую дрянь тащат.

Мне захотелось обнять его за это объяснение.

Я вспомнил закрытый гроб и не стал ничего говорить.

Егор стоял к нам спиной. По воде перед ним двигалось что-то чёрное. Сначала я решил, что это кусок дерева. Потом предмет повернулся, и стало видно ручку: старый пластиковый ковш, половина стенки отломана.

Я помнил такой у бабушки.

Одинаковых ковшей было тысячи. Наш лежал в сарае рядом с ведром. Я сам набирал им воду, когда мыл дедову лодку. Ручка была треснута, и её обматывали синей изолентой.

Ковш повернулся ещё раз.

На ручке белела узкая полоска. Цвет изоленты издали разобрать было нельзя.

Я сделал шаг к воде. Егор взял меня под локоть.

— Не лезь.

— Я и не собирался.

Он держал крепко. Ковш втянуло между льдинами, и он исчез.

На миг мне показалось, что со дна ударили по доскам причала. Удар отозвался в подошвах.

Дежурный с причала повернулся.

— Смотри под ноги, — сказал он. — Скользко.

Я посмотрел на свои ботинки. Они стояли далеко от края.

***

По дороге обратно Егор предложил идти через нижнюю улицу. Я спросил, чем плоха прежняя.

— Там лужа большая.

Лужу можно было обойти по краю. Егор уже повернул, когда на той улице я увидел Николая Семёновича.

Старик сидел на скамейке возле своего дома. Ватник застегнул, ворот поднял. У ног стояла миска с тёмной водой.

Я пошёл к нему.

Егор сказал «Паш» и остался на месте.

Николай Семёнович не удивился. Подвинулся, хотя садиться я не собирался.

— Садись.

— Я лучше постою.

Он забрал миску с прохода. В воде плавали обрезки чего-то белого. Мокрые тряпки, наверное. На верхней ступеньке сохло полотенце.

— Ты вчера про маму начал, — сказал я.

Старик посмотрел туда, где остался Егор.

— Про мать?

— Что она всё сама делала.

— Ну да. Она у тебя такая.

— Что делала?

Николай Семёнович стёр ладонью влагу со скамейки. Доска и до этого была сухой.

— После твоего деда, — сказал он. — Варя её звала остаться. Не смогла. Тебя собрала и поехала.

— Я был здесь, когда дед умер?

— Маленький был.

Мать говорила, что меня не брали на похороны. Я оставался в городе у её знакомой. Помнил чужую квартиру, аквариум, мальчика старше меня, который не давал смотреть в свой компьютер. Эти воспоминания были ясными. Мне было на что опереться.

— Не был я здесь, — сказал я.

Николай Семёнович задумался.

— Я вас до воды провожал, — произнёс он. — Сумку нёс. Ты у неё на руках. Всё головой вертел, на дом смотрел.

— Может, раньше было, — сказал я.

— Может.

— Кресло зачем выносили?

Николай Семёнович перестал тереть доску.

— Не мы.

Егор подошёл и встал сбоку от меня.

— Семёныч, тебе дров занести?

— Я занёс.

— Тогда позже зайду.

Старик кивнул. На меня он больше не смотрел.

Я спросил ещё раз. Он поднялся, взял миску и направился к двери. При ходьбе у него мелко подрагивала левая нога.

— Коля, — сказал я. — Ты утром «опять» сказал.

Старик остановился спиной к нам.

— Я утром тебя хотел увидеть.

— И увидел.

— Ну вот и хорошо.

Он вошёл в дом. Защёлка щёлкнула прежде, чем дверь дошла до косяка, и ему пришлось открыть её на несколько сантиметров и закрыть снова.

Изнутри, из глубины дома, кто-то медленно протянул:

— Ко-оля.

Голос был женский, старческий. Будто человек проснулся и ещё не мог говорить громче.

Я посмотрел на Егора.

— Он один живёт?

Егор взял меня за плечо и повёл от дома.

За дверью Николай Семёнович тихо ответил:

— Не сейчас.

***

— У него сестра бывает, — сказал Егор, когда мы отошли.

— Она сейчас там?

— Не знаю.

— Ты всё не знаешь.

Он остановился. Сумка качнулась в его руке и ударила по колену.

— Да. Много чего не знаю.

Я ждал продолжения. Егор смотрел мне в лицо, и впервые за всё утро мне захотелось отвести глаза самому.

— Что знаешь, скажи, — попросил я.

Он пошёл дальше.

— Дома.

Егоров дом стоял выше бабушкиного. Я помнил его низким, с жёлтыми наличниками и бочкой возле забора. Теперь наличники покрасили в белый, а бочку убрали. В воротах появилась новая калитка из железного листа. Она открывалась без скрипа, но Егор придержал её, чтобы не ударила о столб.

Во дворе стояла Нива. У прицепа — лопаты, вчера привезённые с кладбища. На одну налип ком земли с рыжим корнем. Егор прошёл мимо и закрыл дверь сарая, оставленную на щёлочку.

У входа я оглянулся.

Из двора виднелась верхняя часть бабушкиной крыши. За ней поднимался лесной склон. Дым из трубы уходил тонко и прямо, хотя Валентина давно перестала подбрасывать дрова.

— Печь ещё горячая, — сказал Егор.

Я не спрашивал.

В его сенях висела рабочая одежда. Из карманов торчали перчатки, карандаш, сложенный пакет. Под лавкой стояли три пары одинаковых высоких ботинок. Все мужские, стоптанные по наружному краю.

Я вспомнил Егорову мать. Она встречала нас с тряпкой, потому что мы приносили в дом столько песка, что он потом попадался даже в постели. На стене у входа раньше была небольшая вышивка: домик, речка, два тополя. Теперь там светлел прямоугольник обоев.

— Мама не приезжает? — спросил я.

— К сестре перебралась.

— Давно?

— Пять лет.

Я знал, что она уехала. По фотографиям, по редким сообщениям. Но почему-то ожидал увидеть её вещи здесь, как будто человек, который перестал мне писать, перестал и менять свою жизнь.

В кухне было чисто. На столе лежала отвёртка, рядом — очки в открытом футляре. В сушилке стояла одна чашка. Егор снял её, сполоснул, поставил передо мной и полез на верхнюю полку за второй.

Мне сразу захотелось спросить, почему чашек две и какая была его. Я прикусил язык.

— Сахар?

— Две.

— Ложки?

— Нет, мешка. Я после ночи сладкое люблю.

Он посмотрел на меня. Угол рта дёрнулся, и на секунду я увидел того Егора, который когда-то объяснял старику про учёт урожая.

Потом чайник щёлкнул, и он отвернулся.

Я сел так, чтобы видеть входную дверь. Егор это заметил. Поставил свою чашку напротив, но сел сбоку, не закрывая мне проход.

В комнате за кухней стояла кровать с неубранной постелью. На стуле возле неё лежали джинсы. Рукав кофты свешивался до пола. Всё было обыкновенным, даже пустой дом: мужчина живёт один, работает, спит, иногда забывает убрать одежду.

Вдоль дверного косяка шли отверстия от старых шурупов. Выше нынешнего замка тоже было по два отверстия, потом ещё одна пара, ближе к потолку. Я пересчитал их прежде, чем понял, что делаю.

Егор поставил на стол хлеб и сыр.

— Ешь.

— Ты чего замки переставлял?

Он посмотрел на косяк.

— Дверь менял.

— Три раза?

Егор провёл пальцем по краю своей чашки. На указательном ногте была поперечная борозда, глубокая, будто ноготь когда-то придавили.

— Два, — сказал он.

— Помогло?

— Нет.

Я смотрел на него. Он сделал глоток и поставил чашку слишком осторожно.

— После отца, — сказал Егор.

Отец у него погиб восемь лет назад. Бабушка позвонила мне, когда я собирался на работу. Рассказала коротко: несчастный случай, быстро, мучиться не пришлось. Я не приехал на похороны. Был важный заказ, человек заболел, меня попросили подменить. Тогда каждое такое объяснение казалось настоящей причиной.

Я перевёл Егору деньги. Он ответил «спасибо». После этого мы ещё какое-то время переписывались, реже и короче.

— Я должен был приехать, — сказал я.

Он качнул головой.

— Не про это.

— Всё равно.

Егор подвинул мне хлеб. Я взял кусок, хотя есть не хотел.

— Мама уехала сразу после похорон к сестре, на неделю. Я остался. Вечером что-то в сарае упало. Думал, кошка залезла. Открыл дверь, посмотрел. Ничего.

— Ночью отец постучал. Сказал, что ключи в куртке оставил.

Я перестал жевать.

— Ты открыл?

— Нет. Спросил, где куртка.

— Он ответил?

— Сказал: «Впусти, сам найду».

Егор смотрел в чай. Пар уже не поднимался, но он держал чашку за ручку двумя руками.

— Я стоял у двери. Не мог вспомнить, в чём его похоронили. Представляешь? Днём видел. Даже ворот поправлял. А ночью не мог вспомнить.

Я представил.

— Потом позвонил Варе. Она пришла утром.

— Тоже суп принесла?

Он посмотрел на меня.

— Бульон в банке.

Хлеб стал сухим во рту. Я запил чаем.

— Что она сказала?

— Не спать одному. Пока не станет тихо.

— Три ночи?

— Я у неё четыре дня прожил.

— И закончилось?

Егор убрал руки с чашки.

— Тогда — да.

Снаружи по крыше прошёл лёгкий стук. Капли с ветки, наверное. Я проследил за звуком до окна. На стекле висела одна капля и медленно ползла вниз.

— А потом?

— Потом здесь жил. Работал.

— Я вижу, Егор.

Он отодвинул хлеб. Я сразу пожалел о сказанном.

— Спать перестал, — произнёс он.

— Совсем?

— Ночью. Под утро засыпал. Потом пора на работу. Варя звала к себе. Я приходил, спал в комнате, она на кухне сидела. Первое время хоть так.

Егор потёр большим пальцем борозду на ногте.

— До сих пор?

— Бывает, нормально. Бывает, слышу, как кто-то возле дома встал. Не идёт. Просто встал. И лежу до утра.

— Ты лечиться пытался?

Я спросил осторожно. Он кивнул.

— В город ездил. Таблетки были. Первую ночь уснул. Утром дверь открыта.

— Мог сам...

— Мог.

— Я тоже так подумал. Только не хотел больше проверять.

На стене у холодильника висел календарь. В клетках были короткие пометки карандашом: отвезти, забрать, сумма, фамилия. Обычная занятая жизнь. Четыре даты подряд обведены маленькими кружками, без слов.

Я не спросил про них.

— Почему ты вчера мне не сказал?

Егор откинулся на спинку стула. Стул скрипнул, и мы оба замолчали до конца звука.

— Думал, уйдёшь к Вале. Она сказала, позовёт тебя. Потом ты ключ нашёл.

— Значит, знал и про ключ.

— Она позвонила.

— И вы решили, что мне не надо знать.

Он смотрел на мои руки, лежавшие возле чашки.

— Я боялся, что ты ночью откроешь шкаф.

— Там кто-то есть?

— Не знаю.

Я встал. Стул задел край линолеума и вырвал из него маленький треугольник.

— Прости.

— Потом приклею.

— Ты восемь лет не спишь и всё говоришь «не знаю».

Егор поднял голову.

— А что ты хочешь услышать? Как его зовут? Чем бить? Я дверь два раза менял. Тут нигде ответа не написано.

Я сел обратно.

— Ты хоть сам веришь, что оно было?

Егор посмотрел на окно.

— Сегодня верю.

***

Он постелил мне в комнате. Достал чистую наволочку, стряхнул покрывало. Я переоделся в сухую футболку из сумки. Носки положил на край стула, влажным пятном вверх.

Егор спросил, оставить ли дверь открытой. Я кивнул.

— Я на кухне. Если что, позови.

— А ты отзовёшься?

Он задержался в дверях.

— Сам приду.

Я лёг, не сняв джинсы. Подушка пахла стиральным порошком. Из кухни слышался шум воды, потом осторожный стук посуды. Егор ходил тяжело, и в середине комнаты одна половица каждый раз отзывалась коротким щелчком.

Я начал ждать этого щелчка.

Кухня была видна через дверной проём: край стола, половина окна, спинка стула. Я попросил Егора переставить стул. Он молча перенёс его к стене.

Дежурный с причала написал: «Пока ждём». Я ответил «спасибо» и положил телефон экраном вниз. Через несколько секунд перевернул обратно.

У кровати стояла тумбочка. На нижней полке лежал старый фонарик. Я взял его, нажал кнопку. Свет был слабый, желтоватый. Егор заглянул в комнату.

— Батарейки новые в ящике.

— Мне не надо.

Он посмотрел на фонарик в моей руке.

— Возьми потом. В телефоне заряд не трать.

Я положил его рядом с собой.

Спать не получалось. Стоило закрыть глаза, начинался тот же короткий промежуток: калитка, шаги, два вдоха. Я открывал их прежде, чем голос произносил моё имя.

На третий раз дыхание не остановилось.

Я смотрел в дверной проём и слушал, как в комнате кто-то медленно втягивает воздух. Шум был слабый, возле самого пола. Я поднял голову, прижав локти к матрасу.

Внизу тихо скребло.

Я включил фонарик. Луч дрожал на стене, на ножке тумбочки, на тапочке, оставленной под кроватью. Егор вошёл, присел рядом и заглянул вниз.

— Батарея, — сказал он.

Отопительная труба проходила за кроватью. Я подвёл свет к месту, где она уходила под пол. Шорох повторился. Егор тоже слушал, но на меня не смотрел.

Егор сел на край кровати.

— Я здесь посижу.

— Не надо.

Он остался.

Когда глаза наконец начали слипаться, мне показалось, что Егор встаёт. Поднял голову. Он сидел, опустив руки между коленями.

— Спи, — сказал он.

Я уснул с включённым фонариком.

***

Проснулся от звона телефона.

Телефон лежал на простыне возле моего лица. Звонила мать. Фонарик уже погас. За окном стало светлее, и на стене появилась косая тень от рамы.

Егор сидел у двери на стуле. Спал, прижав подбородок к груди. Руки по-прежнему держал между коленями, как человек в электричке, который боится проспать свою остановку.

Я вышел на кухню и ответил.

— Ты поспал? — спросила мать.

Я посмотрел на время. Прошло меньше двух часов.

— Мам, Коля сказал, ты меня увезла после дедовых похорон. Я помню, что в городе был. Где я тогда был на самом деле?

— В городе. Я забрала тебя раньше.

— Почему?

В комнате скрипнул стул. Егор проснулся.

— Ты ночью к двери ходил, — сказала мать. — Спал и ходил. Папа попросил тебя увезти.

Я держал телефон, не меняя руки.

— До его смерти?

— Да. Я боялась, что к воде побежишь. Ты маленький был, Паша.

— Ты сама что-нибудь слышала?

— Нет. Я видела тебя возле двери. Этого хватило.

— Документы забери. Остальное не трогай один. Я не знаю, что мама там оставила.

— Она написала: «Всё тебе».

— Я знаю, что она тебе всё откладывала. Но не знаю зачем. Она мне не показывала.

После разговора я проверил карман. Ключ был там. Егор стоял в дверях и смотрел на меня.

Раньше я хотел открыть шкаф назло Валентине. Теперь мне нужно было узнать, к какой двери меня тянуло ещё до того, как умер дед.

— К Варе пойдёшь? — спросил Егор.

— Документы забрать.

Он посмотрел на меня. Я встретил его взгляд.

— И шкаф открыть, — сказал я.

Егор кивнул, как будто этого ответа было достаточно, чтобы перестать притворяться.

— Я с тобой.

***

По дороге он купил воды и батарейки. Я ждал у двери магазина. Солнце вышло ненадолго, согрело плечо, но ветер всё ещё тянул от воды. На противоположной стороне улицы женщина несла пустое ведро. Дужка билась о стенку, и от этого ведро звенело на каждом шаге.

Она посмотрела на меня и прошла дальше.

Возле моего ботинка лежал небольшой камень. Я отодвинул его носком, и под ним блеснула влажная земля.

Сзади сказали:

— Не ковыряй.

Я обернулся.

У двери магазина стоял мальчик лет семи. Он ел сухарики из пакета. На молнии куртки висел пластиковый динозавр.

— Чего?

— Там стекло. Я вчера порезался.

Он показал большой палец с белой полоской пластыря.

Я отошёл от камня. Мальчик высыпал в ладонь последние крошки, поднял пакет ко рту.

— У тебя папа где? — спросил я.

— Внутри.

Из магазина вышел Егор. В одной руке держал пакет, в другой телефон. Мальчик сразу зашёл в дверь.

— Валя придёт, — сказал Егор.

— Ты ей рассказал?

— Сказал, что бумаги забираем.

Я не стал спорить. Когда мы подошли к бабушкиной калитке, Валентина Ивановна уже ждала.

На ней была другая кофта, плотная, с высоким горлом. Берет она больше не надевала. Седые волосы зачесала назад и стянула резинкой. В руках держала ключ от входной двери.

Кресло оставалось на крыльце.

Я открыл калитку и подержал её, пропуская Егора. Свежий изгиб проволоки задел рукав. Я посмотрел на него, потом на Валентину.

— Ты к Николаю заходила?

— Заходила.

— Он один?

Она посмотрела в сторону его дома.

— Сестра у него сейчас. До вечера.

Я почувствовал облегчение и сразу разозлился: хотелось, чтобы она сказала это утром.

— Почему вы всё делаете так, будто нельзя объяснить словами?

— Я объясню, что смогу, — ответила Валентина. — Но ты тоже послушай.

Я забрал у неё ключ и открыл дверь.

В сенях пахло остывшей печью и сырой одеждой. Всё оставалось как прежде: куртка, жилет, сапоги с газетами. Я вошёл на кухню.

Блюдце лежало на плите отдельно.

Четвёртая тарелка стояла на столе, у стены.

Я остановился, не снимая обуви.

Суп исчез. В тарелке сохранился тонкий след по краю — ровный, коричневатый. Ложки не было. На скатерти перед ней лежала хлебная крошка, размокшая и расплющенная.

Егор вошёл следом. Посмотрел на плиту, потом на Валентину.

— Ты убрала?

Она покачала головой.

Я проверил окно. Шпингалет был на месте. Другая рама не открывалась: зимой её заклеили бумажными полосами. На одной полосе края разошлись, но сквозь узкую щель с улицы вошёл бы только холодный воздух.

— Кто-нибудь ещё ключ имеет? — спросил я.

— У тебя, у меня и у матери, — сказала Валентина.

— Егор?

— Нет.

Я поднял тарелку. Под ней лежал мокрый круг. Повернул, посмотрел дно. Трещинка возле края, старая надпись, которую бабушка давно стёрла жёсткой губкой.

Ничего такого, за что можно было бы зацепиться.

Я поставил её обратно.

Из кладовки донёсся мягкий удар.

Валентина Ивановна взяла меня за рукав.

— Бумаги в комоде. Забери их.

— И ключ там же лежал.

Она посмотрела на мой карман.

— Варя тебе всё написала?

— Написала, чтоб тебе не отдавал.

Валентина отпустила рукав. На лице у неё ничего не изменилось, только под нижней губой легла складка.

— Мне и не надо отдавать.

— Тогда почему не открывать?

— Потому что я не знаю, что она хотела тебе показать. И почему не убрала раньше.

— Может, потому что мне пора знать?

Валентина подошла к плите. Убрала блюдце, протёрла мокрый след под ним. Спиной ко мне сказала:

— Ты ей ногти собирался обрезать. Сегодня шкаф вскрываешь. Погоди хоть немного.

Я посмотрел на коробку с ножницами. Она всё ещё лежала возле буфета, запечатанная.

На несколько секунд мне стало нечем дышать. Всё, что я собирался сказать, исчезло. Я видел только маленькую коробку, которую купил для человека, уже не способного ею пользоваться.

Егор забрал со стола чашки и поставил в раковину. Тихо, одну в другую.

Я достал ключ.

— Я не буду здесь ночью, — сказал я. — И один туда не пойду.

Валентина обернулась.

— Тогда все пойдём.

***

Я включил свет в кладовке. Лампочка под потолком горела слабее, чем на кухне. Между банками и стеклом маленького окна тянулась пыльная паутина. Один конец колыхался над самым подоконником.

Шкаф стоял вплотную к стене. На краске вокруг замка было пятно, которого я вчера не заметил. Тёмное, неправильной формы. У нижнего края сохранилась белая корочка, словно здесь много раз протирали мокрой тряпкой.

Егор принёс из кухни стул.

— Зачем?

— Свет держать.

Он поставил фонарик на спинку так, чтобы луч падал на скважину. Я достал булавку из бабушкиной кофты: забрал её в комнате, пока искал пакет с документами. Остриё вошло в воск без усилия.

Я выковыривал воск понемногу. Чёрные крошки падали на листок из старой квитанции. Глубже воск оказался светлее, почти жёлтым. Пах свечой, которую только что погасили.

За маленьким окном кто-то чиркнул по стеклу.

Я вскинул голову. Голая ветка ранетки качнулась и снова коснулась рамы. На конце висела прошлогодняя засохшая плодоножка.

Егор открыл окно, отвёл ветку и закрепил её на другой рогатке.

Я смотрел, как он закрывает шпингалет.

Теперь звук не мог повториться.

Ключ вошёл со второго раза. Пришлось повести его вверх и вправо. Внутри замка что-то щёлкнуло, но дверца не открылась.

— Держи ниже, — сказал Егор.

Я взялся за проволочную ручку. Дверца подалась, стукнула о край полки и застыла. Егор подхватил её снизу. Открывать пришлось вдвоём, осторожно, чтобы не вырвать старую петлю.

Из шкафа пахнуло холодным бельём.

Верхнюю полку занимали наволочки. Ниже стояла жестяная коробка, завёрнутая в полотенце. У задней стенки лежал детский ботинок. Маленький, коричневый, с двумя дырочками вместо шнурка.

Я мог бы носить такой. В детстве у меня были похожие, но я не помнил ни этой подошвы, ни потёртости на носке.

— Это моё? — спросил я.

Валентина подошла ближе. Посмотрела на ботинок.

— Не знаю.

Я перевёл взгляд на неё. Она сама услышала свой ответ и сжала губы.

Слева, за заколоченной дверцей, было темно. Щель между полками и створкой оставалась достаточно широкой, чтобы просунуть руку, но никто из нас не попытался.

Я вытащил коробку.

Внутри лежали тетрадь в клеёнчатой обложке, несколько конвертов и маленький ключ с круглой головкой. Ключ был привязан ниткой к сложенному листу. Я не стал его отвязывать.

Тетрадь открылась ближе к середине. Бумага выгнулась, как бывает у вещей, которые долго хранились в сырости. По левому краю страницы шли даты. Рядом — короткие записи бабушкиной рукой.

«Валя пришла. Сидели до утра».

«Под окном. После двух тихо».

«Сказала Коле. Не верит».

Я перевернул страницу. Здесь были цифры. Три, перечёркнутая четырьмя косыми линиями. Ниже — два, потом опять три. На полях карандашом: «За столом не считать».

— Что она считала? — спросил я.

Валентина Ивановна смотрела на тетрадь. Егор оставался возле двери шкафа, придерживая её рукой.

— Людей? — спросил я.

Никто не ответил.

Я пролистал назад. Между страницами сохранился след от чего-то круглого. Бумага там пожелтела сильнее. Нашлась запись про Егора: имя, дата, слово «остался». Через страницу — «мать увезла». Неясно, чья мать и кого. Рядом с записью чернила расползлись от капли воды.

Я положил коробку на стул.

— Возьмём на кухню, — сказал Егор.

Я не двинулся.

Почти в начале тетради, под датой с августом, было моё имя.

«Павлик и Егор. Пришли мокрые. Сказали, двое».

Почерк был мельче, чем на последних страницах, буквы ровнее. Бабушка писала это давно, когда руки у неё ещё слушались.

Следующая строка начиналась под самой датой:

«У двери стояло трое».

Я посмотрел на Егора.

Он читал через моё плечо. Пальцы на дверце побелели, будто вес шкафа увеличился.

— Когда мы с плота упали? — спросил я.

Егор покачал головой.

— Тогда июль был.

Я попытался вспомнить другое лето, другой раз, когда мы пришли мокрые. Байкал, ручей, ведро, дождь. Таких дней было много. Нельзя было вытащить один из остальных только потому, что бабушка записала его в тетрадь.

Валентина Ивановна сказала:

— Пойдёмте отсюда.

Я перевернул лист.

Там были две короткие строки. Верхняя зачёркнута так же, как в записке с ключом. Нижняя осталась нетронутой.

«Павлик не помнит. Не спрашивать, пока сам не вспомнит».

На стекле маленького окна раздался сухой скрип.

Я поднял голову.

Ветка оставалась отведённой в сторону. Между ней и рамой было пустое место.

Скрип повторился, медленнее. На стекле проступила полоса, совсем рядом с моей рукой. Я отодвинулся. Егор направил туда фонарик.

По внутренней стороне стекла тянулся свежий след. Пыль разошлась, собралась в тонкий валик. Будто кто-то провёл ногтем снизу вверх.

Валентина Ивановна взяла меня за плечо.

— Выходи.

Я захлопнул тетрадь, и из неё выпала маленькая фотография. Я видел её край между страницами и всё время принимал за кусок бумаги.

Она упала оборотом вверх.

«Не показывать мальчикам».

Я поднял фотографию и перевернул.

Бабушкино крыльцо. Старая ступень, ещё целая. Егор стоял слева, в растянутой майке, босиком. Я — справа, в коротких штанах, с тёмным пятном на животе. Волосы у обоих мокрые, руки опущены.

На ступени между нами лежала маленькая ладонь.

Она выступала из темноты под крыльцом. Пальцы цеплялись за край доски. Остального на снимке не было видно.

Я поднёс фотографию ближе. Можно было принять ладонь за лист, тряпку, обломок дерева. Но большой палец огибал доску, а на мизинце была полоска ткани. Я видел её так ясно, что почувствовал собственную кожу под ногтем.

— Егор.

Он не посмотрел на фотографию. Смотрел на меня.

— Я уже видел, — сказал он.

Валентина потянула меня к выходу.

— На кухне поговорите.

Я убрал снимок в тетрадь, взял коробку. Егор начал закрывать шкаф. Дверца упёрлась во что-то мягкое.

Он открыл её снова.

Между нижней полкой и створкой застрял край наволочки. Белая ткань свисала сверху длинным углом. Я помнил аккуратную стопку на верхней полке; теперь одна наволочка почти выпала.

Егор поднял её, заправил обратно и закрыл дверцу.

Я повернул ключ. Он вышел из замка с чёрной полоской на бородке.

Из кухни донёсся скрип стула.

Валентина остановилась в проходе.

Мы все стояли в кладовке. Я держал коробку. Егор — фонарик. Валентина ладонью упиралась в печной бок.

На кухне скрипнули ещё раз.

Потом оттуда сказали:

— Валь, суп остыл.

Голос был мой.

Я почувствовал, как Егор схватил меня за руку. Тетрадь скользнула по крышке коробки, я прижал её подбородком, боясь уронить.

За маленьким окном ещё светило солнце.

Глава 3. Вторая ночь

Егор держал меня чуть выше запястья. Не больно, но так крепко, что выдернуть руку я бы не смог.

— Валь, — повторили на кухне.

Я услышал, как мой голос набирает воздух перед следующим словом. Откашлялся. Так я откашливался с утра, когда горло пересохло после первой ночи.

Валентина Ивановна убрала ладонь с печи.

— Вместе, — сказала она.

Она взяла Егора за рукав. Он не отпускал меня. Мы двинулись к проходу, и мне пришлось прижать коробку локтем к боку. Крышка отставала с одного края; между ней и жестью торчал угол конверта.

Из кладовки была видна половина стола и спинка стула. На спинку падал солнечный квадрат. Его нижний край лежал на полу, доходил до ножки. Пыль плавала над светлой доской так спокойно, словно в доме ничего не случилось.

Я ждал, что увижу себя.

Мысли дальше этого не шли. Как он будет сидеть, куда денет руки, повернётся ли ко мне лицом. Я готов был зажмуриться, лишь бы не увидеть собственный затылок над бабушкиным столом.

Егор вышел первым.

Стул был пустой.

И остальные стулья тоже. На столе стояла тарелка с коричневым ободком. Внутри лежала крошка хлеба. Больше ничего.

Я посмотрел под стол. Затем на печь, в открытую дверь комнаты, на входную дверь. Задвижка оставалась на месте.

Валентина Ивановна пошла к выходу. Она двигалась боком, всё время глядя на нас. Ни разу не обернулась к вешалке, когда снимала свою куртку.

— Обувь, — сказал Егор.

Я сунул ноги в ботинки. Правая пятка загнулась внутрь. Не исправляя, шагнул в сени.

Из кухни донеслось:

— Коробку оставь.

Теперь голос был бабушкин.

Я так резко остановился, что Егор налетел мне на спину.

Бабушка говорила так при жизни, когда я без спроса брал её вещи.

Я повернул голову.

Егор сжал пальцы.

— Неси.

Мне пришлось протиснуться между ним и косяком. Валентина уже открыла наружную дверь, и с улицы потянуло мокрым деревом. Я спустился с крыльца, придерживая коробку обеими руками. Два последних шага сделал почти бегом.

Кресло стояло у стены, где мы его оставили утром. На подлокотнике лежала сухая плодоножка от прошлогодней ранетки. Я заметил её только потому, что она прилипла к руке Валентины, когда та задела кресло курткой.

На улице разговаривали люди. Где-то ниже завели машину. Свет отражался от лужи за калиткой, и в этом обычном свете мне сделалось стыдно за то, как я бежал.

Потом я услышал за спиной шаги.

Егор спускался с крыльца. Валентина закрывала дверь. Эти звуки я видел. Но между ними был ещё один: медленное шарканье по кухонному полу.

Я пошёл к калитке, не дожидаясь остальных.

***

У Егора в прихожей я наконец поправил пятку ботинка. Носок на ней перекрутился и натёр кожу. В коробку попала капля воды с куртки; я вытер её большим пальцем, пока она не впиталась в край старого конверта.

— Свет включи, — сказала Валентина Ивановна.

Егор щёлкнул выключателем.

До вечера оставалось несколько часов. Егор прошёл по дому и зажёг ещё две лампы.

Коробку поставили на кухне. Валентина принесла сухое полотенце, подложила под неё. Егор снял куртку и остался в свитере. На локте висела нитка. Он потянул её, оборвал, долго скатывал между пальцами.

Я достал фотографию.

— Когда ты её видел?

Он сел. Валентина осталась возле двери.

— После отца, — сказал Егор. — Варвара Петровна показала.

— В те четыре дня?

— Да.

Я положил снимок на стол. Маленькая ладонь упиралась в ступень. Я наклонился ближе, прикрыв свет пальцами, потом убрал руку: никуда она не делась.

— Что она сказала?

— Спросила, помню ли я тот день.

— И ты помнил?

Он посмотрел на Валентину.

— Отвечай ему, — сказала она. — Теперь уж отвечай.

Егор долго разглаживал нитяной катышек ногтем.

— Мы ходили к старым лодкам. За сараями. Там одна лежала дном вверх, синяя раньше была. Помнишь?

Я помнил много лодок. Перевёрнутые, залатанные, с облупленными бортами. На одной мы с Егором сидели, когда он рассказывал мне, что отец умеет дышать под водой. Без трубки. Просто пока никто не видит.

— Нос отбитый? — спросил я.

— Нет. У этой нос целый. Дырка сбоку.

Я покачал головой.

— Она ещё там?

— На берегу нет. Я после отца ходил. Сараи другие стоят, лодку убрали.

— Куда?

— Не знаю. Я тогда Варвару спросил. Она сказала: «Ты туда больше не ходи». Я и не ходил.

Егор убрал руку со стола.

— Мы туда зачем-то полезли. Ты первый. Я тебе говорил, там гвозди. А ты сказал, что гвозди только в стенах бывают. Очень уверенно сказал.

Я почти услышал себя маленького. Уверенности в детстве у меня хватало на любые вещи, о которых я ничего не знал.

— Сколько нам было?

— Девять. Перед школой.

— Там был мальчишка. Под лодкой. Меньше нас. В рубашке, которая ему велика. Я подумал, чей-то мелкий. Он попросил помочь.

Валентина села на край табуретки.

— Как помочь?

— Вытащить.

Егор смотрел на снимок.

— Я видел его по пояс. Он лежал на животе. Ты полез к нему с той стороны, где дырка. Я остался у носа. Потом ты сказал: «Держи, сейчас». Я взял его за руку.

У меня заболел натёртый палец на ноге. Обычная, мелкая боль. Я упёрся пяткой в пол, чтобы чувствовать её лучше.

— Дальше?

— Дальше не получается.

Я уже открыл рот, но он поднял ладонь.

— Паш, я не уворачиваюсь. Я помню, как взял. Помню, что он холодный. Будто руку в ведро сунул. Потом помню твою бабушку у калитки. Между этим — ничего. Сколько прошло, куда мы пошли, как намокли — ничего.

Валентина провела пальцем по краю полотенца.

— Ты это и Варе говорил.

— Говорил.

— Ты была там? — спросил я.

Она кивнула.

— Когда вас привели, была.

— Кто привёл?

— Я вас у калитки увидела. Ты стоял, как на снимке. Егор зубами стучал. Варя уже была рядом, повела вас в дом. Мы вас раздели, растёрли. Твоя мать с утра в городе была. Ей позвонили, она ещё до вас приехала. Вместе ждали.

— Ты фотографировала?

— Коля. У него аппарат был. Он мимо шёл. Варя позвала, думала, вас кто-то напугал, доказать надо. Отцу Егора показать. Тогда ещё ничего такого на ступени не видели.

— А когда проявили?

— Коля принёс. Мы с Варей смотрели. Он сказал, лист прилип. Она ему поверила сначала.

— Потом?

— Потом ночью у крыльца ребёнок заплакал.

У Егора на кухне негромко тикали часы. Я услышал, что на каждом втором щелчке внутри коробки дребезжит что-то ещё. Раньше этого не замечал.

— Мальчик? — спросил я.

Валентина покачала головой.

— Плакал ребёнок. Я не видела. Варя вышла, никого. Дошла до калитки. Там кто-то её за подол придержал. Она думала, ты. Руку опустила.

Она сложила пальцы так, словно ощупывала рукав.

— Возвращается, а вы оба спите. Ты в комнате, Егор на кухне. И мать твоя с вами.

Я смотрел на маленькую ладонь.

— Почему нам ничего не сказали?

— Девять лет вам. Что сказать? — Валентина подняла на меня глаза. — Твоя мать вообще велела снимок сжечь. Варя спрятала. Егорова мать его забрала, уехали на несколько дней. А тебя потом в город увезли. Вы вернулись — уже снег почти. Думали, забудете.

— Я и забыл.

Никто не ответил.

Я вспомнил Егора на летнем берегу. Рыжий от загара нос, две царапины поперёк колена. Он умел мгновенно оказываться там, куда я только собирался идти. Если мы затевали что-нибудь опасное, он первым кричал, первым смеялся, первым бежал домой, пока я ещё придумывал, почему нас нельзя ругать. Однажды на спор выучил, как называется вся железка,

которой отец крепил лодочный мотор. Потом целый день вставлял это название в разговоры. Бабушка обозвала его профессором и дала сушёных ранеток.

Я не мог соединить этого мальчика с человеком напротив.

— Ты с того лета такой? — спросил я.

— Какой?

Я не нашёл слова, которое не прозвучало бы обидно.

Он понял и так.

— Нет. Потом мы ещё сколько лет носились. Ты же помнишь.

Я помнил. И школу, и драки, и как он плясал на чужой свадьбе, когда нас позвали переносить стулья. Егор тогда танцевал лучше жениха, о чём жениху обязательно сообщил.

— После отца началось, — сказал он. — Сначала редко. Засну — проснусь, будто кто-то на меня смотрит. Потом у двери. Потом привык ждать. Днём работать надо, ночью слушаешь. Если годами так, лицо само портится.

Он провёл ладонью по щеке.

— Варвара Петровна показала снимок, и я лодку вспомнил. До того не вспоминал. Не то чтобы думал и не мог. Вообще не было такого дня.

— Она специально показала?

— Я ей сказал про отца. Что он попросил открыть. Она спросила: «Ты его рукой трогал?» Я говорю, как я его трогал, он же за дверью. Тогда она принесла фотографию.

Валентина опустила глаза.

Я спросил:

— А ты? Ты тогда руку взяла? У калитки?

— Нет. Я в доме была.

— Бабушка взяла?

— Она говорила, край рубашки был. Между пальцами. Думала, ты прижался.

Я убрал снимок в тетрадь. Впервые мне не хотелось заглядывать дальше. От девятилетнего меня до бабушкиной калитки тянулось что-то, чего я не мог вспомнить, а остальные двадцать два года жили так, будто этого нет.

***

Лист, к которому был привязан маленький ключ, оказался сложенной вчетверо страницей из школьной тетради. На наружном сгибе карандашом было написано: «Нижний ящик в сарае».

Внутри — две строки.

«Паша, ты там расписался. Я этого не отдала. Посмотри сам».

Ни даты, ни объяснения, кому она не отдала.

Егор перевернул лист, посмотрел на пустой оборот.

— У неё в сарае верстак. Ящик с железной накладкой.

— Замок?

— Маленький. Дедов ещё.

Валентина Ивановна встала.

— До темноты принесём.

Я посмотрел на неё.

— Теперь можно?

Она прижала ладонь к столу.

— Можно с вами. Нельзя было тебя одного туда пускать. Вот что нельзя.

— Ты же весь день говорила…

— Я думала, уберу тебя от дома, дождёмся дороги, отправлю к матери. Как тогда отправили. У тебя рот свой на кухне заговорил. Дальше я так не умею.

Егор взял с полки связку ключей.

— Зайду сзади. Через двор. Ты на крыльцо не полезешь.

Я хотел возразить, но посмотрел на закрытую тетрадь и остался сидеть.

Валентина сняла с себя куртку, которую уже надела.

— Я с ним. Посиди. Мы скоро.

Я остался у Егора.

Я прошёл в комнату: из окна было видно, как они идут вниз. Егор нёс пустой пакет, Валентина торопилась следом. У забора он обернулся и поднял руку. Я поднял свою.

Они исчезли за чужой крышей.

Мне стало холодно. Дом остался тёплым, батарея под окном потрескивала, на стекле высохла полоса от моей ладони. Но я вдруг понял, что сижу один и жду людей, которые ушли к месту, где мой голос зовёт соседку на кухню.

Я позвонил матери. Она подтвердила: мне было девять, она приехала из города, подала заявление. Когда мы вернулись, Егор дрожал, а я не плакал и спрашивал, зачем она здесь.

Я помнил синюю куртку с жёлтой полосой, которую мы купили перед школой. Мать сказала, что купили её в тот приезд. За день или два до магазина я стоял мокрый у калитки, но соединить эти события не мог.

— Почему ты потом мне не рассказала?

— Я думала, вы в воду полезли. Чуть не утонули. Мама просила не расспрашивать.

Она сглотнула.

— Мне и сейчас лучше от этого объяснения.

Она попросила заряжать телефон, не оставаться одному, позвонить перед тем, как лечь. Я слушал и не перебивал.

После звонка записал на листке время. Рядом написал: «Коробку принёс. Егор с Валей ушли в сарай». Затем номер дежурного с причала с причала.

Через минуту понял, что переписал две цифры местами.

Проверил, исправил и положил телефон на зарядку.

***

Они вернулись через двадцать минут. Егор постучал в окно, хотя дверь не была заперта. Я видел его за стеклом, прежде чем услышал голос, и от этого сразу сделалось легче.

Он вытряхнул на стол содержимое пакета: конверт из плотной жёлтой бумаги и два крошечных шурупа. Шурупы от ящика. Замок открылся, а дно пришлось снимать, потому что конверт зажало разбухшей доской.

— Там сухо теперь, — сказал Егор. — Когда-то залило.

Валентина села рядом со мной.

В конверте лежали три листа. Первый — старое заявление матери. Написанное от руки, с её подписью. Она просила принять меры в связи с тем, что сын отсутствовал дома с утра до позднего вечера. Ниже было дописано другим почерком: ребёнок найден, заявление оставлено без дальнейшего рассмотрения.

Я не помнил, чтобы пропадал.

На втором листе стояли короткие вопросы. Кто был с тобой? Куда ходили? В воде были? Ответы вписаны карандашом.

«С Егором».

«К лодкам».

«Не помню».

Внизу — «С моих слов записано верно», а под этой строчкой моё имя. Печатными буквами, с перевёрнутой буквой «Е». Я в детстве так её писал. Мать долго исправляла, рисовала вертикальную черту и три короткие поперечные.

На третьем листе была такая же запись про Егора. Почерк у отвечавшего взрослого тот же, детская подпись другая. В графе про спутников стояло: «Павлик. Маленький».

Последнее слово зачеркнули одной тонкой линией. Его можно было прочитать без усилия.

— Ты вспомнил? — спросил я.

Егор покачал головой.

— Может, тогда лучше помнил. Когда спрашивали.

— Почему бабушка их спрятала?

Валентина поправила полотенце под коробкой.

— Коля принёс копии. Его знакомый писал. Варя хотела знать, чего вы наговорили.

— Кто зачеркнул?

— Я при этом не сидела.

Я положил листы рядом. Мой ответ был коротким и чистым. Егор назвал ещё кого-то, и в его бумаге кто-то навёл порядок.

Он наклонился над столом. На виске у него билась тонкая жилка.

— Я от него уйти не хотел, — сказал он.

— От кого?

— От мальчишки. Он просил. Я хотел тебя позвать, чтоб вдвоём вытащить.

— Егор, не старайся сейчас…

— Я не стараюсь. Это я помню. Вот это точно.

Он прижал палец к зачёркнутому слову.

Я вспомнил, как в детстве Егор однажды нашёл котёнка в канаве. Наши матери велели отнести его, откуда взял. Он не отнёс. Спрятал под сараем, кормил с блюдца, потом выпросил у отца место в доме. Из всей нашей уличной компании он один умел уговаривать, не сдаваясь. Даже когда за это прилетало.

— Знаю, — сказал я.

Егор выпрямился.

— Бабушка после отца спрашивала, не снится ли мне, что я его тащу. Я сказал нет. Только дверь.

Валентина Ивановна встала и убрала пустой пакет в ведро.

— Теперь поешь, Паша. Потом спи.

Слова не пришли. Я зевнул так, что заболело в затылке.

Валентина достала из холодильника кастрюлю. Егор положил заявления в большой прозрачный файл, который нашёл в комоде. Я сфотографировал каждый лист, снимок, обложку тетради и первые записи. Отправил матери только сообщение, что мы вернулись и я ложусь. Фотографии сохранил отдельно. Показать ей ладонь сейчас я не решился.

Я написал дежурному с причала, что ждём возможности уехать. Он ответил: изменений нет.

Валентина поставила передо мной картошку с котлетой. Я съел всё, включая хлеб, и попросил добавки.

Перед сном снял ботинки и увидел на правой пятке красную полосу. Валентина принесла пластырь.

— Можно и целиком меня заклеить, — сказал я. — У тебя рулона хватит?

Она отрезала кусок.

— На рот хватит.

Я засмеялся. Коротко, больше от неожиданности. Егор тоже улыбнулся, и на секунду у него стало прежнее лицо.

Потом он принёс в комнату стул, сел возле дивана и сказал, что пока не уйдёт.

Я положил телефон на пол, куда мог дотянуться. В кухне Валентина мыла посуду. Они разговаривали вполголоса, без моих вопросов, и вода в раковине шумела непрерывно. Я уснул на этом шуме.

***

Когда я проснулся, в комнате было темно. Лампа горела в прихожей, её свет лежал на полу узкой полосой.

Я сперва не понял, где нахожусь. Надо мной висела полка с книгами, на обоях виднелся прямоугольник посветлее. Только после того, как услышал Егора на кухне, вспомнил всё сразу.

Телефон показывал двадцать сорок семь.

Я проспал больше четырёх часов. В голове прояснилось.

Валентина Ивановна сидела в кресле у стены. Она спала, положив голову на ладонь. На коленях лежал мой прозрачный файл.

Егор встал в дверях.

— Живой?

— Пока по документам.

Он кивнул на кухню.

— Пойдём. Она час только сидит. До того я полежал.

Валентину будить не стали. Я вышел, стараясь не задеть ногой её тапочки.

Егор разогрел чайник. На столе были кружки, хлеб и открытая тетрадь. Он положил между страницами чистую ложку, чтобы бумага не закрывалась.

— Нашёл кое-что, — сказал он.

Я наклонился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.